

# Метро 2033. Сказки Апокалипсиса (сборник)

**Автор:**

[Вячеслав Бакулин](#)

Метро 2033. Сказки Апокалипсиса (сборник)

Вячеслав Бакулин

Татьяна Живова

Михаил Табун

Андрей Гребенщиков

Ярослав Костин

Павел Старовойтов

Василий Скородумов

Анна Калинкина

Виктор Тарапата

Виктор Лебедев

Александра Тверских

Сергей Шивков

Денис Дубровин

Константин Иорданович Бенев

Кира Иларионова

Ирина Бакулина

Ольга Швецова

Юрий Харитонов

## МетроВселенная «Метро 2033»

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду!

Какие они, сказки 2033 года? О чем? Кто их герои? Сколько в них вымысла, а сколько – самой что ни на есть правды? Сильно ли изменились истории, которые родители на станциях метро и в подземных бункерах рассказывают на ночь детям, а взрослые – друг другу? А может, сказки даже через двадцать лет после конца света остались прежними, а изменились люди? Способна ли когда-то услышанная сказка однажды воплотиться наяву в жизни человека, и если да, то как она в этом случае ее изменит? Ответ на этот вопрос постарались дать участники третьего официального конкурса рассказов портала metro2033.ru. И традиционный бонус – эксклюзивная история от главного редактора «Вселенной» Вячеслава Бакулина!

## Метро 2033: Сказки Апокалипсиса (сборник)

сост. В. Бакулин

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Глуховский Д. А., 2015

© Коллектив авторов, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Сказка – ложь?

Объяснительная записка Вячеслава Бакулина

Говорят, что если нечто произошло единожды – это случайность. Оно же, но повторенное дважды, вполне разумно было бы списать на совпадение. А вот ежели оно случилось трижды, то это, друзья мои дорогие, уже тенденция.

И коль скоро вы держите в руках эту книгу (на бумаге или в электронном виде, который, я абсолютно уверен, приобретен вами легально, а не скачан подлым пиратским образом), итог третьего официального конкурса рассказов по «Вселенной Метро 2033», значит, тенденция эта положительная.

А еще знаете, что следует из этого факта? Во всех нас – вполне опытных «метрописцах» и новичках, только-только приобщающихся к сладкому бремену славы, взрослых дяденьках-тетеньках и совсем еще юных «сталкерах до шестнадцати и старше» (на самом деле – и младше тоже, но вы же помните, надеюсь, что все без исключения книги «Вселенной» маркированы «16+»?) – не до конца еще умер ребенок. Тот самый чудесный, добрый, искренний, немного наивный и до бесконечности любознательный человечек, глядящий на мир широко распахнутыми доверчивыми глазами. Который не стесняется признаться: «Да, я люблю сказки». Страшные, забавные, поучительные и даже волшебные. Сказки о героях и злодеях, шутах и правителях, красавицах и чудовищах, сказки

о любви и ненависти, отваге и трусости, бескорыстии и алчности. Те самые, которые – в этом нет абсолютно никаких сомнений – обязательно будут рассказывать даже там, в жутковатом альтернативном будущем, порожденном фантазией Дмитрия Глуховского и всех тех, кого он увлек за собой.

Рассказывать на ночь детям и просто так – друг другу. Во время краткого затишья перед очередной схваткой, и коротая время на кажущейся бесконечной ночной вахте. Развлекая. Передавая жизненный опыт. Предостерегая. Сберегая память о былом – далеком или случившемся совсем еще недавно. Оставшиеся практически неизменными с прошлой жизни, изменившиеся почти до неузнаваемости или даже рожденные здесь и сейчас: на руинах каменных джунглей и среди джунглей природных, у чадающих лагерных костров, в продуваемых всеми ветрами палатках, в сырых и мрачных туннелях метрополитенов, в тесном бетонном чреве бункеров. Сказки Апокалипсиса.

Как знать, может быть, именно эти сказки станут той самой нитью Ариадны, связывающей «homo troglodytus» с прошлым. Не позволят ему окончательно деградировать. Помогут вновь нащупать во мраке и дикости безжалостного нового мира видимую очень немногими узкую тропку, ведущую назад, к «homo sapiens». Воистину разумному человеку, понимающему разницу между приходящими и вечными ценностями. Любящему и берегущему такую маленькую и хрупкую точку во Вселенной, когда-то давно названную планетой Земля.

Павел Старовойтов

Фальшивая жизнь индивида

Сказка ложь, да в ней намек!

Добрым молодцам урок.

А.С. Пушкин

Ладони сильно вспотели, пальцы то и дело сползали с рычага управления мотобагом. Стабильное, гулкое фырчание мотора уверенно продолжало ввинчивать

трехсотмиллиметровый саморез головной боли в черепную коробку. Невыносимое однообразие вылетающих навстречу дуг бетонных колец оживляли лишь плещущий на сквозняке флажок, да резко дергавшийся на поворотах и неровностях рельсового полотна пулемет, лениво свесивший дуло за серые перила.

Встречный ветер заставлял водителя жмуриться: ни лобового стекла впереди, ни очков на шлеме машиниста предусмотрено не было. Не так часто вспомогательный мото-баг выдвигается на позиции, да еще с полным отрядом на борту.

На очередном изгибе туннельной кишки машину ощутимо подбросило, каски на головах солдат встретились, и под металлическое «дзынь» ганзейская «ракета» ворвалась на пограничную станцию. Баг резко затормозил, Ивана едва не выбросило на рельсы: при остановке массивный трехствольник рьяно потащил бойца за собой. Пулемету не терпелось вступить в бой.

– Приехали, – раздалось где-то спереди. – Пошли, пошли, пошли, пошли!!!

Пространство обороняющихся казалось сжатым до невозможности. Покрытая рифленой сталью площадка лежала прямо на путях левого от платформы туннеля. На этом пятачке, отгороженном от врага заполненными песком мешками, толкались пять человек; то и дело высываясь из укрытия, они били короткими очередями в темноту туннеля. С платформы бойцов Ганзы поддерживала плюющаяся трассерами двухъярусная сторожевая вышка. Обшитая не одним слоем досок, с расположившимся на втором этаже «Утесом», она являлась серьезным аргументом против нападающих. Правый туннель в сторону соседней станции был замурован.

Иван перемахнул через перила бага и чуть не споткнулся о тело убитого ганзейца. На площадке лежала только нижняя его часть, верхняя – уходила прямо под корпус машины, на рельсы.

«Не обманула-таки “молния” о прорыве красных. Атаковали, сволочи...»

Вообще трупов вокруг хватало: и на ящиках возле башни, и у брустверной полосы лежали бездыханные кули в серой потертой форме.

Взорвавшаяся где-то граната заляпала грязью стекло шлема. Повалившись на рельсы, Иван пополз в сторону защитных сооружений. От вышки снова начали исходить светящиеся в полутьме лучи. Ваня перехватил «гатлинг» поудобнее и, быстро меняя позицию, открыл шквальный огонь по врагу.

Гильзы принимали удары бойка и падали вниз. Бряцанье цилиндров о стальной пол площадки грубо сминалось шумом выстрелов из постоянно вращающихся стволов. Первый, второй, третий... снова первый, второй... далее по накатанной. Нескончаемые пули гнали напролом к цели. Сквозь железо, сквозь кевлар – свинцовые зубы скорострельного пулемета прокусывали все, что только попадалось на их смертоносном пути.

Плечо ломило от напряжения – коммунисты падали, как подкошенные. Предплечье и запястья стонали под отдачей кустарного минигана – рельсы туннеля заполнялись мертвыми телами, но бетонный пол все еще был виден.

В пылу сражения Иван не заметил, как взорвалась и посыпалась мелкой крошкой блочная стена, перекрывающая соседний туннель. Баррикада разлетелась с оглушительным грохотом, похоронив под собой нескольких человек.

Дула трехствольника повернулись к только что образовавшейся пробоине. Из прорехи валил густой пар. В следующую секунду остатки стены рухнули, и раздвигаемые неведомой силой обломки податливо сползали с рельс в стороны. Что-то мощное продиралось из пролома, что-то черное и большое протискивалось с той стороны.

По тронутым ржавчиной рельсам, движимая скрытыми за стальными пластинами колесами, на станцию вползла длинная металлическая трапеция. Бронированные бока монстра, словно жабую кожу, покрывала россыпь из заклепочных бородавок. Бойницы и двери были плотно задраены. Впереди, выполняя роль тарана, шла утяжеленная строительным мусором и уже порядком покореженная грузовая платформа. Горячая струя трассеров с вышки наспех обожгла заслонки глубоко посаженных бойниц парового монстра. Искры на долю секунды осветили распахивающиеся люки бронепоезда.

– Что за?..

В мгновение ока стальная черепаха красных «взорвалась»: гарпуны со страшным свистом послали крючья в сторону защитных сооружений. «Кошки» прорвали бруствер, песок шуршащим потоком заструился по бокам более удачливых мешков-соседей. Некоторые «снаряды», нанизав на себя нерасторопных солдат Ганзы, крепко засели в обшивке сторожевой вышки. Пули в очередной раз чиркнули по панцирю бронепоезда, но прокусить трапециевидные доспехи они не могли.

«Да-а, и как же теперь быть?» – мысли в голове Ивана лихорадочно сменяли одна другую, как вдруг веревки выброшенных на платформу крюков натянулись. «Красная» махина дрогнула и попятилась обратно в туннель.

– Ура! – чуть ли не в голос завопил Иван, но, услышав крики справа, посмотрел на сторожевую вышку – она кренилась.

Под напором буксирующей массы поезда крепления башни «поплыли» – анкер-шпильки, вывороченные стальными опорами вместе с кусками гранитной отделки платформы, болтались теперь над поверхностью станции скрюченными оцинкованными обрубками.

Одна из веревок лопнула, остальные, не ослабляя хватки, опрокинули башню. Блокпост захлебнулся в пыли, осколках и криках умирающих...

– Ваня! – отдалось в голове.

Присев, а затем опрометью бросившись за уцелевшие баррикады, Иван принялся методично перемешивать еще не остывшими дулами своего «гатлинга» так внезапно поднимающуюся вокруг пылевую завесу.

Из коридора отчетливо донеслось шуршание приземляющихся на пол полиэтиленовых пакетов.

«Варежка!» – пророчески выдохнули его губы имя молодой супруги.

Случайная передышка в обороне грозила затянуться на долгие-долгие часы: по дороге с работы жена всегда притаскивала что-то съедобное, попутно загружая Ивана бытовыми проблемами, а также случившимися с ней за день событиями. Апогей наступал, когда Варвара просила супруга об ответном отчете. Мысли в голове тут же замирали, прятались под серый клубок мозговых извилин, словно боясь показаться, накликать случайную бурю-беду.

«Подняться, притащить тяжелые пакеты на кухню и... мигом обратно, под землю».

Напряженный взгляд покрасневших от переутомления глаз, мерное, почти гипнотическое покачивание минигана в мониторе.

– Варя, оставь сумки, я их сейчас отнесу.

Пальцы сработали автоматически – последняя пуля в ленте прошла неожиданно мелькнувшую в проломе фигуру вражеского снайпера, и под шум канонады нападавших начался долгий и рутинный процесс перезарядки. Неприятель не думал отступать, ганзейцы были на грани поражения.

«Сейчас, Варька, сейчас... разберусь с кодлой этой и...»

Крышка, удерживающая пулеметную ленту, открылась с трудом. Уже пустая, металлическая змея сорвалась вниз и с лязгом упавших на камень цепей осталась где-то позади.

Руки сами выполняли отточенные и такие медленные манипуляции по установке новой, полной патронов ленты в гнездо кустарного пулемета.

В проломе над туннелем показался еще один снайпер – пуля калибра девять миллиметров выбила сноп искр на полу и рикошетом поразила вынырнувшего из пыльного облака бойца.

«Давай, давай же... скорей!»

Пальцы все так же, не спеша, закрыли крышку и привели оружие на боевой взвод.

– Наконец-то, – губы Ивана машинально сложились в улыбку. – А теперь... А-ГОНЬ!

Внезапное бряцанье столовых приборов заставило взглянуть на часы. 19.45. Сколько прошло с момента поворота Варезкиных ключей в матрице дверного замка? Десять, пятнадцать или все двадцать минут?

Иван опасливо приподнял наушники и покосился на монитор. Резким движением поднявшись из кресла, он быстро покинул комнату, беглым шагом преодолел длинный темный коридор и толкнул кухонную дверь. Кафельная плитка тут же принялась хищно вытягивать тепло из ступней мужчины.

– Варя.

Жена молча допивала чай за столом. Брикетик ванильной пастилы безвозвратно скрылся в Варваринном рту. Смятая упаковка от съеденного только что лакомства безжалостно выброшена в мусорное ведро.

В это самое время в комнате за стеной скорострельный пулемет в руках Ивана бесцельно крошил бетон над головами наступающего сонма врагов.

\* \* \*

Живое, яркое видение из прошлого бесследно исчезло, оставив перед глазами мигающие пятна да грязный брезентовый полог навеса над головой. Нескончаемая возня немытых, мечущихся в горячке тел на соседних койках раздражала. Мужчину с забинтованным боком вывернуло прямо на пол – возвращения в реальность были отвратительны. Само существование в Московской подземке казалось невыносимым и уж точно не таким романтичным, как в фантазиях писателей двадцатилетней давности. Зловонный смрад заполнял станции и туннели, радиация сжигала затаившихся под землей

жителей, награждая тела незаживающими, вечно сочащимися гнойниками. Голодные обмороки, пустячные заболевания, выкашивающие целые станции... Мучительная агония перед неизбежным, но так медленно приближающимся концом. Бессильно уронив лысую, разрывающуюся от духоты голову на подушку, человек протер рукавом рот и закрыл глаза. Забытие наступило почти мгновенно.

\* \* \*

Автоматные дула Иван заметил сразу, как только автобус въехал под мост. Притаившихся сталкеров было с десятков: то там, то здесь в ряду бетонных колонн эстакады показывались лысые морды противогозов. Автобус затормозил.

«Засада!» – ударило где-то в голове и пальцы крепче сжались вокруг поручня. – Выбив стекло, спрыгну на асфальт, – прикидывал Иван, затравленно озираясь по сторонам. Вокруг, как назло, ничего, за чем можно было бы укрыться от огня нападающих, не наблюдалось.

Двери автобуса распахнулись.

«Ты что?! – чуть не крикнул Иван водителю, но вовремя сдержался. – Он с ними заодно...»

Пассажиры, будто не видя приближающихся вооруженных людей, продолжали болтать по телефону, читать, пялиться в окно. Сидящий у двери мужчина даже умудрился заснуть: голова его с закрытыми глазами безвольно склонилась и уперлась подбородком в грудь. Иван запаниковал – он никак не мог предотвратить грядущую катастрофу.

Сталкеры были совсем рядом – шаг, другой... и в салон ввалилась сгорбленная запыхавшаяся старушка. Протолкнув тележку через турникет, она деловито уселась на свободное место подле спящего мужика. Двери закрылись, автобус уверенно подался вперед, снаружи было пусто. Ваня с силой потер глаза – нападавшие бесследно испарились.

«Кто это были, чьи сталкеры? Направить такое многочисленное подразделение в город могли только мы, Полис или коммунисты. Рейх, а уж тем более бандиты,

большими группами на поверхность не поднимаются».

– Выходите? – размышления Ивана прервал голос из-за спины.

– Что, простите?..

Автобус резво скрылся за поворотом, вытолкнув Ваню возле обшарпанной девятиэтажки. «Работа... И почему это летом общественный транспорт ходит так быстро: не успел на ступень ногу поставить, как уже выходить пора».

Мужчина посмотрел по сторонам – обыденное засилье прямых линий: серые параллели проезжей части, припорошенные мусором пыльные плоскости обочин, редкие выжженные солнцем вертикали деревьев и коробки, убогие, угловатые бетонные кубы. Расшитые сеткой замазанных швов, здания тянулись в левую и правую стороны от Ивана. Ни одного яркого пятнышка. Банальное однообразие... «Прямо как моя жизнь. Прямо как все эти гребаные цифры».

В трудовой книжке стояло клеймо «экономист».

Иван очень не любил свою профессию. Каждый раз, подходя к зданию, он долгое время стоял у входа – не решался открыть дверь. Проблемы со счетом наблюдались у него еще со школы. Одинаковые математические действия с одними и теми же числами всегда давали разный результат. Ваня долго мучился, подгоняя ответ под нечто среднее и правдоподобное. Решение учиться на экономическом факультете приняла за него мать. Будучи бездумным подростком, Ивану было все равно куда поступать, лишь бы не идти в армию. «Одна из самых перспективных специальностей сегодня, – женщина показывала сыну какую-то страничку из справочника Московских вузов. – Получишь диплом и с такой профессией всегда сможешь себе место найти». Пренебрежительный взгляд Вани заставил мать произнести одну из любимейших своих фраз: «Учти, сын, без бумажки ты – никто. Высшее образование получить нужно».

– За что мне все это? – в очередной раз спросил себя Иван.

В последнее время он совершенно перестал успевать за темпом экономического отдела. Почти каждое утро мужчина говорил матери, что на работу не выйдет.

Однако после настойчивых уговоров снова садился в автобус. «Ты что?! Тебя ждет блестящая карьера, – гнула свое мать. – Послушай меня, не дури». И Ваня слушал... слушал... слушал...

Он тяжело вздохнул, ладонь его обреченно легла на ручку двери – опять предстояли долгие, тягостные часы в компании толпы гротескных числовых лилипутов.

\* \* \*

Однако вместо вестибюля с сидящим за столом охранником мужчина увидел высокий и почему-то движущийся свод станции. Голова его приподнялась. Подобия жилищ, плавно выплывающие из-за спин несущих носилки людей, вставали плотными стенками по обе стороны от процессии. Палатки расступались, словно пропуская санитаров вперед. Вне лазаретной душегубки сознание прояснилось. Глухо, как будто издалека, начали пробиваться звуки жилого сектора: шорохи, скрипы, голоса. Мгновение – и шум станции зазвучал в полную силу. Такой же гвалт сопровождал его и тогда, когда, закинув за спину рюкзак с письмами для Полежаевской, он въехал в темное жерло туннеля.

Колеса «Стэрна» так и норовили зацепить край бетонного желоба между рельсами. На гнутых ободах красовались сплетенные из дырявых велосипедных покрышек косы шин. Лампочка в 4,5 ватта тускло освещала пути впереди. Фару с закрепленным у заднего колеса цилиндром динамо-машины соединял тонкий белый проводок. Гуттаперчевой змейкой вился он по ржавой, местами облупившейся раме велосипеда.

Вильнув колесом и уйдя от столкновения с шершавой стенкой желоба, мужчина не заметил скользнувшего из темноты силуэта.

– Осторожно!

Ватага ребятишек, закружившись вокруг носилок, заставила одного из санитаров споткнуться. Ноша дала сильный крен, и перевязанный мужчина свалился прямо на гранитные плиты платформы. Болевой шок погасил и без того тусклый свет станции. Перед глазами снова возник плоский монитор.

\* \* \*

– Ух ты, Варька, смотри какой ствол! – Иван поманил супругу к себе, чтобы похвастаться только что добытым «Браунингом М2НБ».

Откровенно скучая, Варвара встала с дивана и подошла к компьютеру. Большую часть экрана занимала какая-то непонятная черная штука.

– Ну и что?

– Как что?! Гляди какая мощь! – Иван дал демонстративную очередь над головами стоящих рядом солдат. С потолка посыпалась бетонная крошка. Из наушников тут же раздалось обиженное «Ты чего?».

– Балуюсь просто, – успокоил мужчину виртуальных бойцов. – Видела?! – Иван снова смотрел на жену горящими глазами. – По весу я реально поднять бы такой не смог, не то что стрелять – такие на бронемашину ставили, а тут... Сначала «гатлинг», теперь вот «браунинг»... Хоп! – мужчина ловко перекинул могучее оружие из одной руки в другую. – Прямо, как ГэМэЧел красных.

– Кто? – в последнее время Варя совершенно перестала понимать, о чем говорит муж.

– Не важно, – пренебрежительно отмахнулся Иван. – Ты все равно не оценишь.

– Слушай, а пойдем в кино? – внезапная мысль заставила Варешку улыбнуться. – Я смотрела – сейчас много любопытного крутят.

«Уйти из дома сейчас, когда в руках “большая пятидесятка”? Ну нет».

– Варька, ты чего? – монитор перед глазами мужчины сменился уличным окном. – Там уже темно совсем. Пока оденемся, пока дойдем...

– Можем на маршрутке поехать, – добавила ободрившаяся Варвара. – Давай, одна нога – здесь, другая – там.

– Не-е, поздно. Все равно опоздаем.

– Откуда ты знаешь? Пойдем скорее, к последнему сеансу доберемся точно. Всего только восемь вечера!

– Нет.

– Ну давай. – Варвара навалилась на мужа сзади и принялась отнимать Ванину руку от компьютерной мыши.

– Ты чего?! – Иван с силой толкнул супругу. – Меня же убьют сейчас!

Женщина обиженно уставилась на него. Из-под спущенных наушников, словно мысли мужа, доносились крепкие ругательства. Картинка в мониторе мерцала от частых выстрелов и беготни.

– Не пойду я никуда, понятно? Ложись вон, – мужчина указал на диван, – поспи. Или в телефоне полазай.

– Мне иногда кажется, что я тебе совсем не нужна... – Варя медленно направилась к двери.

Хоть такого и не было предусмотрено сценарием игры, но оно все-таки происходило.

Допрос проходил в затхлой и сырой комнатухе. Иван сидел посреди помещения на хлипком складном табурете, заведенные за спину руки были крепко стянуты тонкой алюминиевой проволокой. В метре от пленника нашла свое место прикрученная к полу парта с поднимающейся столешницей. На ней, освещая комнату, стояла уже порядочно сгоревшая свеча, у основания которой в жарком экстазе слились за ведением протокола общая тетрадь в клеточку и в меру тупой простой карандаш. По темным углам помещения затаились демоны Преисподней.

Само дознание производил дуэт красных офицеров: побои наносились методично, со знанием дела – пинок, удар, зуботычина с другой стороны и

опрокидывание на пол, легкая чечетка на пальцах раскинутой кисти, кирзовый мысок в области кишечника... блевотина на полу. Вопросы чекисты не задавали, просто били, ломали личность человека.

Боли Ваня не чувствовал совершенно. Лишь изредка жмурясь, дергал плечом. Даже сейчас, когда его мордовали, и тогда, на осаждаемой станции, при попадании в тело свинца или очередной смерти в крутой заварушке любой части метро, Иван ощущал только онемение в задействованных на клавиатуре пальцах и некоторую тяжесть в плечах.

В реальной жизни после подобных побоев и следующего за этим «смакования» развороченного лица, переломанных конечностей и, что гораздо страшнее, повреждения внутренних органов, Ваня наверняка бы раскололся, запросил у чекистов пощады. Однако, будучи под защитой гибкой брони широкого жидкокристаллического монитора, мужчина иногда даже позволял себе в адрес палачей циничную ухмылку – бейте, мол, сволочи, я – настоящий кремьень! Искры-то выбьете, а вот нутро посмотреть – это еще попотеть придется.

Удар в солнечное сплетение моментально выбил воздух из легких и заставил его задохнуться. Картинка резко поплыла перед глазами, начала быстро темнеть – Иван терял сознание.

Выброс в основное меню был воспринят как обидная пощечина, но и та не шла ни в какое сравнение с событиями, произошедшими далее. Домой после недельного отпуска на даче вернулась отдохнувшая мать. Вдохновленная физическим трудом на грядках, подзаряженная молекулами чистого, без примесей выхлопных газов, воздуха, она ворвалась в квартиру свежим, непредсказуемым вихрем. Вихрем перемен.

Иван как раз готовился метнуть в часового нож и продолжить разведку в режиме «стелс», как вдруг в спину ударил неожиданный комментарий матери:

– А знаешь, там Емеля был.

«Там... Емеля...» – Ваня покосился на зажатое в пальцах лезвие «карателя», пытаюсь понять и соотнести услышанное.

Ах да, «там» – это на даче, «Емеля» – старый друг, с которым они проводили кучу времени вместе. Но после внезапной женитьбы товарища жизненные дороги приятелей резко разошлись. Емельян сделался тяжел на подъем – у него все время находились какие-то левые, семейные дела. Образовавшийся невесть откуда дефицит тем для разговоров, абсолютно не совпадающие интервалы свободного времени сильно сказались на отношениях друзей. С рождением ребенка Емельян полностью выпал из жизни товарища.

– Каждые выходные ездит. Представляешь? – довольная, что выдернула сына из компьютера, женщина с улыбкой продолжила: – У него второй мальчик уже, Елисеем зовут. Первый на следующий год в школу пойдет, взрослый совсем.

– Ну и что? – отрешенно отозвался Ваня, часто тыкая пальцем в левую кнопку мыши.

– А то, – мать обиженно посмотрела в сторону. – Не ленится, тетке своей помогает: забор поставил, крыльцо обновил. Тридцать два стукнуло... всего на три года тебя старше, а уже пару ребятишек завести успел.

Забавнее всего, что именно стремясь походить на столь превосходного друга, Иван полгода назад и женился. Общение с Емелей не возобновилось, зато ворчание родительницы и внутреннее одиночество немного отпустили мужчину.

Первое время молодожены не вылезали со всевозможных выставок. Активно участвовали в играх городского ориентирования, зависали в ресторанчиках после просмотра очередной киноленты. Все было замечательно, пока в один прекрасный день к ним в дверь не постучались заботы. Взаимоотношения ухудшились. Работа никуда не делась, а вот времени под отдых стало отводиться поменьше. После недельной трудовой карусели, дел по дому голова совершенно не соображала, в каких условиях провести короткие выходные.

«Игра в команде» казалась уже не такой замечательной, как до свадьбы. Появилась необходимость оглядываться, брать в расчет мнение второй половины. У каждого оно было свое, отказываться или идти на уступки никто не спешил. Костер раздражения был сложен, осталось поднести спичку.

Именно на этом этапе в квартиру заползло постыдное «Метро»...

– У меня внуки будут когда-нибудь?!

Слова матери не давали сосредоточиться на цели: враги совершенно не хотелидохнуть, тело Ивана то и дело ловило шальной свинец, тревожно усилилось дыхание в наушниках – шкала здоровья быстро уменьшалась.

– Мам! – не выдержав прессинга, мужчина с негодованием поморщился.

– Что мам?! Мам! Здоровый вымахал, а все в тырнете своем зависаешь, с автоматом, как маленький, бегаешь. Может, проблемы у тебя, к доктору обратиться стоит?

– Ма-ма! Ну что ты говоришь?! Давай потом, сейчас, видишь, не могу – занят очень.

– Совсем голову потерял с играми этими дебильными! С Варварой еще как познакомился, женился... слава тебе, Господи. – Мать подняла к потолку глаза и перекрестилась. – Седина в волосах, а все словно пацан. Чем потом гордиться будешь, чего вспоминать?

– Ма, отвали.

– Отвали... – женщина сложила снятую кофту пополам. – «Отвали» – это он матери родной говорит.

Иван молчал, сосредоточенно уставившись в яркий экран монитора. Постояв еще некоторое время за спиной сына, женщина удалилась.

Из темноты узкого проема между двумя квадратными, заросшими плесенью колоннами выбежал парень в синем хоккейном шлеме. Цифра «13» на правой стороне головного убора, а также преследовавшие его чудовища, могли многое рассказать о везении приближающегося субъекта.

«Твари! Твари! Твари! Твари!» – горланил «гатлинг», выплевывая пули, словно слюну. Вращающиеся дула, лента, непрерывно подносящая боеприпасы к бойку, побелевшие от напряжения пальцы, сжимающие смертоносный скорострельный станок, – Ваня вновь оказался во всеоружии.

Ужасные гориллоподобные твари, следующие за незнакомцем, с легкостью перепрыгивали мусорные завалы, а также без труда могли двигаться по отвесной поверхности стен.

Затормозив рядом с Иваном, юноша повернулся. В его руках оказался дробовик: грубый деревянный приклад с врезанным в него спусковым механизмом плавно перетекал в гигантский барабан из шести трубок, скрепленных между собой по кругу велосипедными звездами. По всей видимости, патроны с дробинкой вставлялись в каждый из стволов. Вот только почему они не выпадали – оставалось загадкой, задней крышки-то у барабана не было.

Рассматривая оружие внезапного компаньона, Иван слишком близко подпустил мутанта к себе. Зверь одним прыжком повалил мужчину на гранитный пол. Зубы монстра впились в прижатый к груди миниган: стволы пулемета меняли свою геометрию под прессом челюстей твари.

– Твою мать! – только и успел выпалить Ваня.

ПУМ! Черепная коробка мутанта с треском взорвалась, окатив лежащего душем кровавых брызг. На глазах Ивана барабан дробовика незнакомца повернулся, готовясь к очередному залпу. ПУМ! Бас кустарной несуразицы вновь огласил пустынную до недавнего времени Полянку.

В следующее мгновение когтистая лапа схватила «хоккеиста» за голову и грубо, ломая шейные позвонки, бросила прямо на пути.

– Тринад-цатый... – Ивану почему-то сразу вспомнилась фраза из старого советского мультфильма про чертей. – Теперь мне с этими тварями одному плясать, значит.

Мужчина миготнул с платформы, подхватил чудо-оружие убитого и опрометью бросился к спасительному, по его мнению, туннелю.

Бледные фигуры одна за другой подходили к краю платформы и с рычанием прыгали на рельсы. Кто ж мог предположить, что туннель окажется тупиком – метров через пятьдесят Иван натолкнулся на непреодолимую преграду в виде металлической решетки.

– Два, три... пять! – с ужасом посчитал он идущих за ним мутантов. За спиной – плотно перекрывающие туннель стержни, по бокам – серая и унылая гладь бетона. Выхода нет, патронов тоже – об этом ясно извещала белая пиктограмма в левом нижнем углу. Приклад «дробольвера» глухо ударился о металлический рельс, его место в руках тут же занял старенький самозарядный ПМ.

Силуэт на стене Иван успел заметить еще до стремительного броска твари. Пистолет почти довернулся в сторону мутанта.

Вспышка заставила мужчину отпрянуть от монитора, на котором ясно вырисовалась приближающаяся, полная тонких и кривых зубов раскрытая пасть чудовища...

Звонок домашнего телефона, словно петушиный крик поутру, спас Ваню от неизбежной кончины в лапах мутировавшей фауны постъядерной столицы. Статус и опыт мужчины не пострадали.

\* \* \*

Сознание спонтанной волной снова выбросило человека в настоящее прямо на металлический стол. В лицо бил невыносимо яркий электрический свет. Глаза слезились, но даже сквозь мутную пелену мужчина различал нависшие над ним силуэты. «Не может этого быть...» – человек мысленно возвратился в окутанный сумраком туннель. Опрокинутый «Стэрн» валялся на рельсах, плотное кольцо нападавших с каждой секундой становилось все тесней. В руке одного из бандитов блеснул нож. Последовавший за этим укол заставил тубинги поплыть, реальность стремительно завращалась перед глазами. Опустевший шприц брякнулся в поддон рядом с головой пациента. Нападающие сначала сменились людьми в серых халатах, затем потолком и стенами операционной.

Неудержимая сила швырнула мужчину обратно в пустоту.

\* \* \*

– Че-го ты сделала?! – словно окаченный ведром ледяной воды, Иван отвлекся от обшаривания стола и медленно повернулся в сторону жены.

Еще вечером он уехал из дома. Монитор, не веря глазку веб-камеры, погрузился в сонный режим и под мерное урчание системного блока отращивал сожженные рейдами хозяина пиксели. Иван же, взбудораженный пятничным вызовом знакомого геймера, преодолел путь в несколько станций метрополитена и, достигнув указанной флажком навигатора точки, всю ночь качал, а затем обкатывал новый аддон любимой стрелялки. В зрачках мужчины зарождалась одурелость, под глазами с каждым фрагом увеличивались серые мешки. Никогда еще Иван не испытывал такого наслаждения, какое довелось ему ощутить в эту темную ночь на чужой квартире.

«Зря я сорвался, – думал теперь он, кусая губы в кровь. – Остался бы дома, ничего такого не случилось бы...»

Когда физическая усталость взяла верх над игровым экстазом, а дремота на пустых сиденьях вагонов подземелья столицы окончательно сбила ориентацию человека во времени, Ваня явился домой и, видимо, заснул...

Очнувшись под вечер, мужчина не с первого раза смог втиснуть ступни в силки домашних тапочек. Футболки на себе он не ощущал – кто-то заботливо раздел его и укрыл клетчатым пледом.

«Спасибо тебе, загадочный незнакомец».

Ваня устало зевнул, обессиленным «плюхом» водрузил пятую точку на сидение компьютерного кресла. Кнопка с нарисованным новогодним шаром на веревочке нажалась автоматически – до ушей донесся знакомый гул вращающихся лопастей вентиляторов, спрятанных в угловатой коробке системного блока. На экране завертелись разноцветные квадратики, но что-то все равно было не так. Мужчина насторожился.

«Геометрия 7-11 класс» Погорелова, «Пособие по высшей математике»... Иван плавно скользил взглядом по корешкам книг, склонив голову на плечо.  
«Экономика и...»

Стоп! А где романы «Вселенной»? Неужели куда-то переставил?

Мужчина стал судорожно вспоминать. Осмотрев стол еще раз, он не нашел также дисков «Метро» и пластмассовой фигурки «черного» – некрашенный уродец из лицензионной упаковки игры испарился так же бесследно, как и постыжерные книги, стоявшие рядом с ним.

– Где ВСЁ?! – с нарастающим ужасом произнес Ваня.

Сигнальная мелодия загрузившейся операционной системы приятно отозвалась в наушниках, свисающих со спинки кресла.

– Варвара, куда все делось?

– Мне надоел постоянный срач на столе. Я навела порядок, протерла пыль...

Компьютерный стол действительно стал выглядеть более ухоженным: по пустым, убраным рабочим поверхностям гулял ветер.

– Где диски? – в глазах Ивана теплился луч последней надежды. – Где «черный»?

– Я все выбросила.

– Че-го ты сделала?! – словно окаченный ведром ледяной воды, Иван оторвался от обшаривания стола и медленно повернулся в сторону жены.

– Я все выбросила, – повторила Варвара, делая особый упор на слове «всё». – И книги, и диски, и...

– Дура!

Ваня рванулся на кухню. Коридор, плитка, сосущая тепло из босых ступней, раскрытая нижняя дверца глянцевого кухонного фасада. Именно здесь, недалеко от раковины, прятался мусорный Тартар квартиры.

Уверенным движением ароматная корзина была извлечена из дээспэшной тумбы. Секунды две мужчина рассматривал содержимое мусорки, надеясь увидеть в ней утраченные метрошные артефакты. Визуальный осмотр ничего не дал, и, опустившись на пол, Иван буквально с головой зарылся в переполненное ведро.

Ключья хрустящих оберток рваными парашютиками валились на кафельное поле, картофельные очистки толстым слоем ложились рядом, гроздь пропавшего винограда вообще развалилась в ладони и забродившие окатыши, притко проскользнув меж блестящих ножек стола, скрылись под широким навесом углового диванчика. Тишину нарушало только упорное Ванино пыхтение.

– Я их прямо в мусоропровод вынесла, – рядом с мужем материализовались Варезкины ноги. – Еще утром.

Мужчина пружиной вскочил с пола и схватил жену за плечи. Пальцы беспощадно давили на нежную женскую кожу, грозя оставить после себя темные синие пятна. Варя вскрикнула.

– Принеси сейчас же! Одевайся, беги, может, дворники еще не успели вывезти все на помойку!

– Одержимый, – Варвара с трудом оторвала от себя супруга и отпрянула к двери. – Правильно я от гадости этой избавилась, теперь ты не сможешь...

– Чего, чего я не смогу?! – уже красный от злости, заорал Иван.

– Играть!

– Зачем так кричите? – кухонная дверь отворилась, и на пороге возникла мать Вани с намотанным на голову полотенцем.

Иван затравленно смотрел то на внезапно появившуюся в кухне мать, то на молодую стерву-предательницу.

– Хер вам! – выпалил он, грубо протискиваясь между женщинами и устремляясь в комнату с включенным компьютером. – Фигушки!

Наушники привычным скачком оседлали уши Ивана. Гермодверь на экране медленно отползала в сторону. На запястье левой руки блестели часы «как у Артёма», рядом с мужчиной стояли его ребята – отряд был полностью готов к подъему в разрушенный много лет назад город.

«Ну и пусть... пусть мне скоро тридцатник. Пусть выдуманный мир игры проповедует насилие и воровство. Пусть! Зато мне здесь комфортно, здесь я могу примерить бессмертие, палить в кого пожелаю, не обращать внимание на заботы настоящего, скрыться от скучных повседневных дел. Тут без меня никуда, тут можно реализоваться. Пусть по накатанной, по написанному кем-то сценарию, но поверить в себя, почувствовать крутизну. Вечный электронный аккаунт поможет пережить физическую смерть. Таких, как я, миллионы. Мы – завсегдатаи постъядерного метро, надежда и опора подземного мира. Мы защитим человечество, мы сделаем так, что однажды оно вернется в свои покинутые дома и увидит Солнце над головой! Мы...»

Одновременно погасшие монитор и свет в комнате довершили катастрофу субботнего вечера, заставив Ивана буквально взвыть от обиды. Скачки напряжения были очень, ОЧЕНЬ редки, а если случались, то не в моменты игры.

Оглушающее молчание системного блока подтверждало правильность Ваниной догадки. Мужчина, встав, посмотрел на улицу – в соседних домах электричество было.

– Вот черт!

За стеной под еле слышный женский монолог выдвигались и задвигались ящики кухонной тумбы, видимо, в поисках свечей.

Ширк-пш-ш-ш-ш... В прихожей заплясали еле заметные тени.

– Опять автоматы выбило, – мать накинула кофту и, взяв с полки ключи, направилась к двери.

Иван двинулся следом, светящаяся точка дверного глазка, словно путевая звезда, звала его за собой.

Двойное вращение ключа, поворот ручки и... женщина в страхе отшатнулась от открывшейся двери. На пороге, преграждая выход из квартиры, застыла длинная сутулая тень.

«Черный!!!»

Сердце Ивана сжалось. Поджарый силуэт монстра легко узнавался в светлом дверном проеме. Мутант осклабился и, пробурчав что-то невразумительное, переступил через порог. До начала следующего дня оставалось чуть менее пяти часов...

\* \* \*

Всплеск адреналина заставил мужчину подняться. Потрескавшиеся пальцы крепко обхватили запястье хирурга.

– Держите его! – резиновая кисть врача дико извивалась. – Привяжите больного к столу!

Навалившийся неизвестно откуда груз опрокинул человека назад. Грубые ремни стянули грудь и плотно притянули пациента к блестящей металлической поверхности.

– Они идут! – ужас застыл в широко раскрытых глазах оперируемого. – «Черные» обошли ВДНХ!

Неимоверно набухшие от напряжения вены, казалось, вот-вот лопнут, залиют помещение кровью.

– Бегите! – больной забился в диких конвульсиях. – Бегите! Нужно срочно уходить!!!

Мощный удар оборвал крики, ввергнув человека в беспамятство.

\* \* \*

Долговязый силуэт, словно сплетенный из толстых ветвей черного дерева, медленно приближался к Ивану.

– Не беги... – прошептал на ухо сухой шелестящий голос. – Посмотри в лицо своей судьбе...

Широко открытые темные глаза без зрачков жадно искали Ванин взгляд.

– Ну же... – непропорционально широкая четырехпалая ладонь обхватила мужчину за голову и потянула его к себе. – Ну же!

Яркая вспышка вернула Ивана в реальность.

– Фуф, – по телу игромана пробежала мелкая дрожь. «Это ж надо было спутать Емельяна с “черным”!»

Друг детства появился просто – без какого-либо предупреждения. Будто и не было шестилетнего отрезка тишины да вакуума в общении с товарищем. Приветливо поздоровавшись, гость подождал, пока глаза привыкнут к зажегшемуся свету, после чего протянул хозяевам большой черносливовый торт.

– Прохладно нынче, – проговорил он, будто ежась от холода. – Дай, думаю, зайду, погреюсь. Мне до гнезда семейного еще чапать и чапать. Не откажите в любезности, приютите.

Чаепитие продолжалось недолго. Заглотив треть принесенного угощения и выпив несколько кружек обжигающего напитка, Емеля засобиравшись домой.

– Слушай, – сказал он Ивану. – Поехали со мной. Жена сейчас в деревне, посидим, – мужчина подмигнул товарищу, щелкнув пальцем по шее. – Поболтаем.

Варежка недобро покосилась в сторону гостя.

– Без обид! – Емельян приложил руку к груди. – Дюже долго Ваньку не видел, страсть как поболтать хочется. Ну, так чего, – мужчина снова повернулся к другу. – Поедешь?

Емельян обитал в высотном многоподъездном доме где-то на окраине города. Кабина лифта остановилась на нужном этаже, кнопка погасла, створки медленно разошлись.

– Добро пожаловать, дорогой друг Карлсон, ну и ты, Малыш, заходи, – пробормотал Емеля перед тем, как открыть дверь.

Шагнув в квартиру товарища, Иван остолбенел. Вместо обычной узкой, заваленной всякой всячиной прихожей, они стояли посреди вытянутой и очень уютной подворотни. Серая мостовая, поджатая с обеих сторон лотками с пышной зеленью, устремлялась прямо в квадратную арку. Слева от арки стояла телефонная будка, перед которой, поражая своей натуральностью, росло большое раскидистое дерево. Стены прихожей, обложенные панелями из природного камня и дополненные декоративными окнами, плавно переходили на потолок, где графическими продолжениями упирались прямо в светло-голубое небо с пышными громадами белых облаков. Роль солнца в прихожей выполняла округлая потолочная люстра. У правой стены стояла красивая парковая скамья с кованым каркасом.

Повесив ключи внутрь стилизованной под почтовый ящик коробки, Емельян ловко пристроил куртку на одном из суков дерева, сел на скамью и начал снимать ботинки. Иван же, не веря собственным глазам, принялся ощупывать камни брусчатки.

– Это что-о, – с гордостью протянул Емеля. – На кухню придем, вообще закачаешься. У меня в квартире теперь маленький городок прячется. Вешалка, кстати, вон, – товарищ махнул в сторону дерева. – Каркас металлический, все выдержит.

Кухня оказалась прямым продолжением улочки-прихожей. Пройдя по мостовой мимо таблички «Gl?ckliche Lane, 30», мужчины повернули налево.

«Уличное кафе, – подумал Иван, когда они остановились посередине комнаты. – Настоящее уличное кафе!»

Вход на кухню был оформлен под арку, над которой висели большие круглые часы. Натянутый от стены до середины потолка-неба полосатый тент делил помещение на две части. По одной стороне шел кухонный гарнитур с фасадами из мореного дуба, кафельным фартуком цвета корицы да пятнистой гранитной столешницей. Холодильник, вытяжка и плита были единственными металлическими вкраплениями в череде деревянных дверец. Другую сторону украшало панно с изображением небольшого дворика, уставленного столиками. Около стены с выходом на балкон, стилизованной под каменный фасад, располагались стол со стульями и широкая скамья. Комната освещалась светодиодной лентой, прикрепленной к нижней части кухонных шкафов, линейными люминесцентными лампами, подвешенными на крепления тента, и фонарным столбом под старину, стоящим в самом углу.

– Здорово... – Иван еще раз обвел комнату взглядом. – Мне бы так...

– Ваня, свою судьбу ты творишь сам. Если по-настоящему захотеть, сделать можно все, что угодно... Похвастайся лучше, во что сутками напролет рубиться изволишь, – Емельян пригласил друга с раскрытому на столе ноутбуку. – А то родительница твоя моей тетке все уши прожужжала о том, что сынуля ее в компьютере зависает, из дома только на работу отлучается, да и то «со скрипом».

– Да ладно, – начал оправдываться Иван. – Я еще за продуктами выхожу, в кино, опять же.

Говоря это, мужчина судорожно пытался вспомнить название последнего просмотренного им фильма или дорогу до дома с пакетами. Память была нема.

– Тем не менее, – Емельян достал бутылку вина и полез за бокалами. – Мне даже интересно стало.

– «Метро», – смущенно признался Ваня.

– Поезда водишь?

– Не, – лицо мужчины неожиданно оживло. – Это про постапокалиптическую Москву. О том, как люди от ядерной войны в подземке укрылись и какой образ жизни вести стали. Группировки там разные образовали, делить территорию заново принялись. Средневековье, в общем, только в наши дни.

- Типа «Безумного Макса»?

– Вроде того... погоди, сейчас покажу, – Иван подтянул ноутбук, отыскал и начал загрузку файла. – Минут двадцать подождать нужно.

Пык! Звонкий хлопок ознаменовал выход пробки из горлышка. Прозрачная гладь стекла наполнилась алым.

К тому моменту, как прогремели первые выстрелы, на столе стояла уже новая бутылка.

Друзья двигались по темному перегону, сидя внутри боевой дрезины. Крупнокалиберный ствол и широкие, нависающие с обеих сторон пластины заслоняли львиную часть обзора. Только в прорехах виднелись уводящие во мрак нити рельсового полотна. Туннель пустовал.

– Артём, расчисти проход! – голос в колонках требовал от мужчин активного участия.

Совершив несколько размашистых рывков мышью, Иван развернул башню и принялся крошить доски, сваленные кем-то прямо на путях.

Пр-р-р-р-р-р-рм. Пр-р-р-рм. Пр-р-р-рм. Тюбинг озарили яркие вспышки. Щепы разорванных деревяшек колючим дождем осыпались на бетон. Не дожидаясь завершения стрельбы, дрезина покати́лась дальше.

Внезапно к урчащему шуму мотора прибавился еле заметный стук.

– Врaг сзaди!

Неуклюжая башня медленно поползла назад.

– Смотри, – Иван ткнул на приближающиеся огоньки фар. – За нами гонятся.

Емельяну пришлось придвинуться к экрану вплотную, чтобы разглядеть преследователей.

По изгибающемуся полотну двигалось что-то непонятное. Он предположил, что это обшитый металлом «Урал» с коляской. Но как мотоцикл может ехать по рельсам?

– Да какая разница, – Иван вдавил гашетку до предела.

Пр-р-р-рм-бздынь... дзынь. Пули, высекая искры, отскакивали от брони догоняющих. Бам-м-м! Платформу качнуло. Разогнавшаяся машина мощно боднула моторизованную дрезину закрепленным спереди швеллером. Иван прицелился и снова пальнул из пулемета. Пр-р-р-рм. Пам! Бинго! Преследователи стремительно сбрасывали скорость. Почти остановившийся «Урал» полыхнул в бетонной трубе туннеля огненным цветком.

Иван с восторгом взглянул на товарища.

– Чего-то нудно... – Емельян хмыкнул и почесал себя за ухом. – Однобоко как-то. Никакой инициативы. Сиди молча да делай, чего тебе говорят, прямо как в армии. К чему стремиться-то?

– Ну как...

– Уровень повисить или оружие новое достать?! Это же глупо... бессмысленно. Где результат затраченного труда? Можно его как-то пальцами пощупать или в руке поддержать?

– Да нет же, – Ваня схватил мышку и полез в папку «Сохраненные». – Это целый мир, целая ВСЕЛЕННАЯ! Вот смотри.

Закадычный друг скривился так, будто отхватил от лимона солидный кусок.

– Брось ты, стрелялки все одинаковы.

– Нет, посмотри! Здесь не только ходить и шмалять можно... «Ве-не-ция». Вот он! – Иван победоносно кликнул по файлу. – Мой любимый сейв.

Когда шкала загрузки достигла своего апогея, на экране появилась молодая женщина, из одежды на которой Емельян углядел только полупрозрачные трусы да сеть черных чулок в крупную клетку. Рыжие выющиеся волосы были крепко стянуты на затылке, большие, выставленные напоказ груди гипнотизировали, притягивая взгляд. Виляя бедрами, незнакомка направилась к выходу и задвинула створки комнаты, выполненные в виде синих дверей метровагона. Проникающий сквозь витражную роспись на стеклах коридорный свет окрасил ее тело в яркие, чарующие тона. Будто сотканная из разноцветных тряпичных лоскутков женщина подошла ближе и, слегка закатив глаза, начала свой приватный танец.

Туго переплетенные над головой руки, покачивания и полуобороты – вся демонстрация прелестей женской фигуры длилась не более тридцати секунд. В завершении, извиваясь всем телом, чудом не продавливая набухшими сосками хрупкую гладь экрана, танцовщица предприняла отчаянную попытку удушить мужчин своим внушительным бюстом. Однако, уловив, что посетитель не один, умерила пыл и, продемонстрировав в очередной раз подтянутость ягодиц, низко наклонилась.

Тишину кухни нарушил нежный женский шепот: «Продлевать будем?»

– Ну-у, – протянул уставившийся на товарища Иван. – Как?

– Не, Вань, не впечатлило. Фигура, конечно, симпатичная, но кукольность движений, равнодушная маска вместо лица и статичность самого тела все перечеркивают. Я понимаю, если б нам лет по двенадцать было и женщин мы ни разу не нюхали. Но сейчас... с женой, с детьми... у тебя дети есть, кстати?

Иван отрицательно помотал головой.

– Жаль. – Емельян снова посмотрел на лицо выглядывающей из-под собственных ног путаны. – В квартире настоящая принцесса живет, а ты на блядей виртуальных палишься... чудака-человек. Это как баба надувная, только хуже.

Опустевший сосуд из темно-зеленого стекла покинул столешницу. О канувшей в Лету таре напоминала только разбухшая пробка, лежащая на салфетке.

– Почему хуже?

– Потому что потрогать нельзя. – Емельян достал из тумбы новый без-четверти-литровый винный заряд. – Набор квадратиков разноцветных: ни тепла живого, ни тактильного насыщения. Вот у меня, к примеру, в гараже мотоцикл стоит. Я на нем иногда по городу разъезжаю, – Емеля зажмурился и плавно провел ладонью из стороны в сторону. – Так вот, разве компьютерный симулятор может передать ощущения от скорости, веса мотоцикла или его управления? А трепет одежды на ветру, подпрыгивание от малейшего камешка под колесом, вибрацию и рокот мотора виртуальная реальность смоделировать может?

Иван молча смотрел на друга.

– Нет. Вот поэтому игра должна оставаться игрой, а не подменять реальную жизнь человека.

– Она и не подменяет...

Путана, некогда стоящая на экране раком, разочаровалась в клиентах и ушла в спящий режим. Почерневший экран больше не отвлекал внимание друзей.

– Ваня, – Емельян ткнул указательным пальцем в лоб сидящего напротив товарища. – Ты, бляха-муха, уже мужик. Отец, будем говорить, будущего семейства. Твоя задача – курс жизненный прокладывать, решения ответственные принимать. Две дамы на шее, а он все бирюльки компьютерные дергает, пальцами по клавишам лупит. Не стыдно?! – Он поднялся и, слегка покачиваясь, скрестил на груди руки. – Или до сих пор думаешь, что главой семьи мама является? Так ошибаешься, – мужчина театрально развел ладони в стороны. – Женщина по жизни ответственна всего за три вещи.

Емеля принялся загибать пальцы:

– Продолжение рода. Поддержание чистоты в доме. Забота об отпрысках и супруге своем. Мама тебя родила, от заразы и болезней разных оберегла,

вырастила. Все! На этом задачи ее кончаются. Теперь жизнь самому вершить надо. Можно понять, когда в виртуальном мире прозябает человек с ограниченными физическими возможностями. Играя, он ощущает полноценность, способность совершать то, чем обделила его реальность. Но ты-то здоров, тебе-то чего не хватает?

Ставя бокал, Иван случайно задел мышку. «Продлевать будем?» – на экране опять показалась раскорячившаяся метрошница.

– Чтоб тебя... – Емельян покосился и с отвращением захлопнул ноутбук. – Женщина не устраивает – разведись, найди ту, с которой хорошо будет. Пострелять охота – в тир сходи или в пейнтбольную команду запишись. Там тебе и стратегия, и адреналин. Физическая нагрузка, опять же, чувство локтя, игра в команде. К тому же выбываешь после первого попадания. Все как в жизни. И самое главное, – мужчина заговорщически понизил голос, – никаких багов. Так что ножки в ручки и давай, давай, давай... гребь пока молодой. А за компьютером на пенсии посидеть успеешь.

Иван глядел на товарища отупевшими, но счастливыми глазами.

«Какой же он все-таки молодец».

После минутного молчания Емельян сел.

– У меня все, – заключил он и разлил по бокалам остатки красного вина.

\* \* \*

Как человек ни старался, на этот раз открыть глаза ему не удалось.

В комнате находились люди, много людей. Он чувствовал это. Слышал голоса, бряцанье инструментов, шарканье чьих-то ног.

– Где я? – спрашивало сознание, но одеревеневшие губы не проронили ни звука. – Как я оказался в этом Аду?

Голова пациента наполнялась влажным туманом. Шумы операционной, сливаясь в единый монотонный гул, пронизывали мужчину, высасывали последние силы. Зафиксированный тугими ремнями, он даже не замечал легкого покалывания в груди. Сердце больного билось все реже...

\* \* \*

– Гммм... Гммм...

Чье-то натужное сопение да требовательные тычки по кончику носа заставили мужчину очнуться и открыть покрасневшие от недосыпа глаза. Напротив него, указывая пальцем на лежащего Ивана, стоял белокурый мальчуган в подгузнике. Соска во рту бутуза ходила ходуном.

– Это дядя Ваня.

– М-м? – Недоверчивый взгляд малыша устремился в сторону сидящего папы.

Развалившись в огромном кресле-подушке, Емельян крутил в руках корявую фигурку трансформера. Лицо товарища выражало глубокую задумчивость.

– Нет, посмотри, какая егоза. Инженерная мысль, мать ее. Без инструкции хрен разберешься, – поймав на себе взгляд чистых детских глаз, Емеля добавил: – Дедушка с бабушкой брату твоему подарили. Упаковку только выбросили, а заодно с ней и инструкцию... Я же теперь мучайся – как этот автобот в машину превращается? Всю голову сломал, давно бы бросил, да самому любопытно. Смотри, сколько здесь деталек разных.

Не в состоянии переварить всей прелести конструкторского гения производителей маленького пластмассового перевертыша, Иван снова закрыл глаза.

Всего через пятнадцать минут робот обрел, наконец, форму грузовика. Иван допивал вторую кружку чая, когда Емельян, совершив заключительные манипуляции над игрушкой, поставил машинку на стол. Его супруга, так неожиданно вернувшаяся с детьми из деревни, в это самое время собирала

Елисея на прогулку. Малыш признал телефонную будку в коридоре своим домом и никак не желал его покидать.

– Сначала папа, теперь ты, – голос женщины был поразительно спокоен. – Мы на улицу выйдем когда-нибудь?!

– Аы?

– Елисей, иди сюда.

Мимо двери мелькнул низенький юркий силуэт.

– Елисей!

Несмотря на прохладу первых осенних дней, погода в столице стояла солнечная. Едва тронутые желтым деревья наполняли игровой городок воздушными, полупрозрачными тенями, придавая ему какую-то особую, волшебную красоту. Вырастающий прямо из покрытого резиновой крошкой асфальта, с лазурными крышами башен, красными трубами переходов и салатowymi спиралями горок, он служил маяком для детей со всех окрестных домов. Вот и сейчас на площадке было не протолкнуться.

– Папа, догоняй! – старший, шестилетний сын Емельяна опрометью рванул к игровому комплексу и быстро потерялся в ярких хитросплетениях городка. Маленький Елисей бодро зашагал следом.

– Ну что, мать, – мужчина передал жене куртку. – Начали?

С невероятной быстротой он оказался у лестницы. Крепко схватившись за поручни, толкнулся ногами и преодолел прыжком сразу пять ступеней. Оказавшись на широкой площадке, Емеля выпрямился, прошелся по U-образному мостику, после чего с проворством обезьяны начал карабкаться по рукаву из сплетенных канатов. Заметив отца, мальчуган взвизгнул. Крученный желоб вынес ребенка прямо к основанию комплекса. Емельян бросился следом и, настигнув сына у одной из опор, сильно раскрутил его.

– Не догонишь, не дого...

Обманный рывок в сторону мальчика заставил того вновь забраться по лестнице. Другие дети, глядя на счастливого погодка, начали потихоньку подключаться к игре. Ребяшня от мала до велика с неподдельным выражением радости и небывалым азартом убегала от прыткого, неистощимого на хитрости незнакомца. Иван еле успевал следить за круговоротом детворы и молниеносными перемещениями друга. Переливчатый гвалт звонких голосов заполнил площадку в считанные минуты. Емельян отрывался вовсю – не было места, куда он не смог бы протиснуться или запрыгнуть. Были моменты, когда Иван ловил себя на яростном желании тоже поучаствовать в этом сумасшедшем марафоне. Однако, представив всю нелепость своего вида на конструкциях детского городка, ощутил себя лишним и погрузился.

– Ладно, Емельян, поеду я, – Иван положил руку на плечо оказавшегося рядом разгоряченного бегом товарища. – Спасибо, что в гости позвал... Тебе теперь с семьей побыть хочется...

– погоди, – скрестив над головой руки в знак окончания игры, мужчина повернулся к другу. – Опять через весь город в метро трястись?.. Давай лучше на мотоцикле отвезу. Тем более, гараж отсюда совсем недалеко.

То, что Емеля выкатил из ворот, слабо подходило под привычное понятие «мотоцикл». Первой, самой поразительной деталью мотоцикла была кабанья голова. Светло-бурая, с темными точками маленьких глаз и кольцом, торчащим из носа, она располагалась посередине руля. Длинные «перья»-клыки цвета слоновой кости тянулись от морды животного до переднего колеса, где загибались вверх почти под прямым углом. В раскрытой пасти кроме пожелтевшего ряда зубов виднелась еще и большая круглая фара. Сама рама с закрепленными на ней мотором и бензобаком укрывалась под плотным слоем жесткой щетины. Разросшийся темный загривок плавно спускался к вытянутому, стилизованному под седло каштановому сиденью, задняя спинка которого громоздилась на чоппере круглым деревянным щитом в металлическом обрамлении. С заднего крыла свисал бурый поросячий хвостик с пышной кисточкой на конце. Темная подножка уверенно попирала потрескавшийся серый асфальт.

– Знакомься, это Боря – мой мотоцикл.

Иван посмотрел на запирающего гараж друга и не узнал его: Емельян выглядел не менее экстравагантно, чем его транспорт. «Когда успел переодеться?»

У мотоцикла стоял человек в круглых очках, с закрытым банданой лицом, а также зеленой каской на голове. Снизу к брейнкапу крепилась массивная на вид челюсть болотного цвета с торчащими кое-где клыками. По бокам головной убор украшали остроконечные уши, а на затылке, стянутая лентой у самого основания, развивалась копна длинных черных волос. Оформленная в той же цветовой гамме, что и каска, кожаная куртка была застегнута наглухо. Перевязь из ремней крепко удерживала двухуровневые защитные накладки, расположенные на плечах байкера. Довершали картину серые джинсы, заправленные в высокие ботинки из толстой кожи с квадратными стальными мысами. Мужчина разворачивал знамя с вышитым изображением клыкастого свиного рыла.

– «Вархаммер» али «Варкрафт»?.. – саркастически поинтересовался Ваня.

– Значения не имеет, – Емельян вставил древко в специальный тубус и жестом пригласил товарища садиться.

– Зачем все это?

– Не знаю, – Емельян отстегнул от седла еще одну каску и протянул другу. – Наверное, ни за чем. Мне просто интересно менять мир вокруг, делать его необычнее: фантазировать и реализовывать задуманное. Все с поделок в саду началось. То жучков из листьев мастеришь, то елочку к Новому году. Бывало, модули для какого-нибудь большого оригами до двенадцати ночи складывать приходилось. Попробовал однажды кое-что в повседневную жизнь внедрить... получилось. Дальше – больше. Теперь вот за уши от хэндмэйда не оттащишь – втянулся: хожу все, прикидываю, чего да как.

Глаза за стеклами дорожных очков улыбались Ивану.

– Ты домой собираешься или так и будешь возле мотоцикла стоять?

Иван, надев каску, мигом оседлал «секача».

– За Орду! – крикнул он, похлопывая ушастый брейнкап товарища. – За Калимдор...

Сжав руль, словно поводья огромного боевого кабана, Емельян тронулся с места.

Тын... Тын... Тын, тын, тын – курсор в виде патрона уверенно прыгал по строчкам меню. Клик! Потемневший экран разродился схемой Московского метрополитена и несколькими абзацами текста в углу. Из колонок полился монотонный мужской голос с легкой хрипотцой: «Отсюда в Полис есть только одна дорога – через Красную площадь. Артём, ты должен...»

– Я – не Артём! – пробормотал Иван и встал из-за стола.

Ему вдруг в одночасье опостытели бубнящий голос, фигурки псевдолюдей с однообразным поведением, бесконечно повторяющиеся, сливающиеся в одно серое полотно, локации. Волшебство, внезапно свалившееся на Ивана за прошедшие сутки, с лихвой перекрыло красоту виртуальных погружений. Игра не казалась уже такой привлекательной. Пробираясь в сказку через компьютер, Ваня совсем не замечал ее в настоящей жизни. Но теперь... теперь она развернулась перед ним в полную силу – яркая, увлекательная, со множеством неожиданных путей и возможностей. Реальность, казалось, пропиталась сказкой насквозь.

– Не обижайся, ежели обидел вчера, – говорил Емельян, прощаясь с товарищем у подъезда. – Совсем пьяный был. В общем, если вам коляска, кроватка или вещи какие детские понадобятся, обращайся – у нас на балконе много чего хранится...

Взглянув еще раз на погасший монитор, Иван покинул квартиру. А когда вернулся, встретил у лифта жену. Понурая Варешка стояла возле мусоропровода, откидной люк которого сыто улыбался.

– Поздно уже, – сама не зная зачем, сказала женщина. – Ведро через край, а одеваться, чтобы до контейнера во дворе дойти, лень. Вот и решила сюда выбросить.

Семь пышных белоснежных роз выплыли из-за Ваниной спины.

– Держи, – произнес он, улыбаясь. – Это тебе.

Варежка крепко обняла супруга, и лицо мужчины потонуло в мягких каштановых волосах. Запах жасмина кокетливо зашевелил ноздри.

– Знаешь чего, – Иван разглядывал обшарпанные стены коридора. – Вот поеду завтра да красок разных куплю, нарисую здесь поляну с цветами.

– Зачем? – Варвара отстранилась и удивленно посмотрела супругу в глаза.

– Пускай на этаже красота будет... А заодно и место работы сменю, – воспоминания о числовых узниках в клетках сметных таблиц заставили мужчину скривиться. – Найду что-нибудь более подходящее, интересное для себя.

Из раскрытого окна пахло вечерней прохладой. На мелких камушках детской площадки слышались чьи-то быстрые шажки и звонкий голосок:

– Папа, догоняй!

Иван улыбнулся жене.

– Да, Варька... и давай, наконец, ребеночка заведем.

Мужчина не успел опомниться, как Варвара прижалась к нему с небывалой нежностью. Казалось, все ее существо готово было втиснуться в тело супруга, слиться с ним, сделаться чем-то единым. словно озноб, женщину колотила мелкая нервная дрожь. Иван не мог видеть лица жены, но чувствовал – Варежка плачет. И еще он почти наверняка знал, что она счастлива. Пускай они пока в начале пути и дети – только проект, но от одного осознания сделанного сейчас шага, принятого решения, внутри Ивана разлилась приятная, нежная теплота.

\* \* \*

Очередной удар в область груди не принес ожидаемых результатов: сердце молчало, пульс отсутствовал. На губах лежащего мужчины застыла блаженная, искренняя улыбка. Человек, когда-то заплутавший в лабиринтах постыдного

мира задолго до самой Катастрофы, вновь покидал неприветливые казематы Московской подземки под звонкий салют сдираемых хирургом перчаток.

Когда из палатки вышла бригада уборщиков с завернутым в темный полиэтилен телом, воздух в санитарном блоке успел пропитаться едким сигаретным дымом. Брезентовый портал снова заглотил врачей – внутри ждал новый пациент. Их трудовой день только начинался...

Татьяна Живова

С тех пор, как случился Рагнарёк

Они выжили и построили для себя и своих детей свою собственную сказку. Или былину... Или сагу... Неважно. Важно то, что родную сказку необходимо защищать. Чтобы она не превратилась в страшную сказку.

Лето 2033 года, деревня Осиновка где-то в глухом Верхневолжье

– Ва-а-аська! Васька, паразит, где тебя снова лешие носят?! Обед простыл давно, сто раз греть не буду!

Дородная пухлощекая женщина в вышитой по концам намитке высунулась в окно, зорко оглядывая двор и его ближайшие окрестности.

– Ма-ам, ну ща-ас! Доиграем только... – долетел откуда-то из-за угла нетерпеливый детский крик.

– Я вот щас возьму хворостину, да так тебе «доиграю»... по мягкому месту!.. Живо обедать! Ишь, князь какой выискался, зови тут его по сто раз! А ну домой!

Из-за угла донеслось разочарованное «у-у-у-у!», потом, немного погодя, в сенях грохнула дверь, что-то брякнуло, покатилося, загремело... Диким мявом взвыла возмущенная кошка, которой впотьмах отдавили не то лапу, не то хвост. Скрипнула дверь, и на пороге возник худенький, долговязый для своих девяти лет мальчонка в выбившейся из-под пояса выцветшей рубашке. В волосах его торчали какие-то соломины, голубые глаза светились задором и упрямством.

– Вы только поглядите на это чудо в перьях! – женщина всплеснула руками и уперла их в бока. – Опять с Ингваром по сеновалу как сумасшедшие прыгали? Сколько раз говорить...

Она вдруг осеклась, махнула рукой и уже совсем другим тоном распорядилась:

– Ладно. Умывайся – и за стол. Потом дело тебе будет.

– Какое еще дело? – насторожился мальчик.

– Ты поешь сперва!

Васька или, как его чаще звали дома и на улице, Васятка, развернулся на босой пятке и отправился обратно в сени, к рукомойнику. Тщательно намылил руки черным, пахнущим травами, мылом, старательно умылся и насухо вытерся рушником с узенькой скромной прошвой. Многие мальчишки на его месте просто плеснули бы пару раз водой в лицо – и тем бы и ограничились, но родители приучили Васятку очень серьезно относиться к чистоте тела.

Когда он вернулся, в кухне на столе уже дымились миски с зелеными щами. Мать нарезала хлеб.

Васятка втянул ноздрями вкусные запахи и юркнул за стол на свое место.

Обедали молча. Не потому, что сказать было нечего – просто так было заведено в их доме. Да и рты были заняты.

После обеда мать подала Васятке пухлый узелок из своего старого платка.

– Вот. Снеси-ка в Персюки для тетки Шехназ. Да и Дарью заодно проведаешь.

Расстроившийся было, что его не пустят обратно к друзьям доигрывать, Васятка повеселел. Поход в Персюки обещал много интересного – куда больше, чем игра в корабль викингов в колючих волнах сена!

Персюками в славяно-алано-урманской Осиновке называли лесной хутор в полудюжине верст от деревни. Жили там весьма интересные люди – Алишер и Шехназ, семейная пара из какой-то неведомой Васятке Персии. Где именно находилась эта их Персия – мальчик не знал, но бывать у них любил. Дядька Алишер слыл среди селян ученым человеком, алхимиком и знахарем. Именно к нему обращались, когда нужно было кого-то полечить, сделать какое-нибудь особо хитрое и сильное лекарство, а то и извести с огородов, полей или из дому не в меру расплодившихся и обнаглевших вредителей. Его жена, Шехназ, была искусницей в разных рукоделиях. Местные бабы и девки постоянно таскали ей лоскутки, обрезки кожи и мехов, бусинки и прочую милую запасливой женской натуре рухлядь, из которой персидка мастерила всякие красоты – начиная от игрушек и заканчивая украшениями и затейливо расшитыми поясными кармашками для мелочей. И не только сама мастерила – но и, бывало, обучала каким-то несложным приемам местных ребятишек. Тетка Шехназ, отличавшаяся редкостным ехидством и довольно острым языком, на вид казалась строгой и равнодушной к детям, но ребяшня почему-то к ней липла, как мухи к меду. Дядьку Алишера же дети уважали и побаивались, считая колдуном и шепотом рассказывая о нем разные небылицы.

Дарья, старшая сестра Васятки, была замужем за сыном Алишера и Шехназ, Данилой. Так что, в какой-то степени, Васятка был родственником этой необычной пары. Что, кстати, прибавляло ему авторитета среди уличанских приятелей.

– Выйдешь из деревни, – меж тем поучала мать, вытаскивая из волос мальчика соломины и приводя его в достойный вид, – по сторонам не зевай. Особенно в лесу! С дороги не сходи, ягодами-грибами не увлекайся. Не дай бог, попадешься в ловушку! А ежели встретишь эльфа, кикимору или даже лешего – в разговоры особо не вступай, просто дай хлебца – на вот, возьми еще узелок – и спокойно ступай дальше. Хлебушек они любят и тебя не тронут, пропустят. Ну а ежели спросят, куда – так и говори: мол, к дядьке Алишеру иду. Они его знают и уважают – чай, тоже к нему лечиться бегают!

Васятка очень серьезно кивнул. О том, что родственник знается с лесным народцем, в Осиновке давным-давно ведали. Для взрослых это не было чем-то удивительным, но в глазах детворы добавляло личности знахаря еще большего ореола загадочности и дополнительных поводов его опасаться.

Прихватив свой деревянный меч (а как же воину в дальнем походе – да без оружия?), Васятка вышел из избы.

– Эй, ну что, мы будем доигрывать? – нетерпеливо окликнул его сидевший на соседском заборе Ингвар, закадычный приятель с урманского конца.

– Не, – важно, гордясь предстоящей миссией, ответил Васятка. – Не получится. Мамка велела в Персюки сходить, до дядьки Алишера! – знахаря он упомянул для вящей солидности. – Во, видишь? – показал он узелок. – Отнести велела.

– У-у-у-у-у... – протянул приятель одновременно с разочарованием, уважением и завистью. Он-то понимал, что его самого родители вряд ли отпустят сопровождать дружка в столь увлекательном походе. Буквально только что ему всучили для присмотра младшую сестренку, которая теперь возилась неподалеку, пытаясь превратить жирного, разомлевшего на солнышке соседского кота в верховую лошадь для одной из своих тряпичных кукол.

Не то чтобы Ингвар не любил нянчиться с мелкой – нет, шестилетняя Йоля – или, по-местному, Ёлка – была на редкость разумным и все понимающим человечком, не доставляющим особых хлопот. Временами приятели даже брали ее в свои игры. Но Ингвар считал, что путешествие на лесной хутор, где живет овеванный слухами, один другого невероятнее, знахарь – совсем не девчачье дело.

Правда, Йоля, кажется, была на этот счет иного мнения. Услышав, куда собрался приятель старшего брата, девочка тут же оставила в покое несчастного мышелова и подбежала к мальчишкам.

– Ты идешь в Персюки? – дернула она Васятку за рукав. – Возьмешь нас с собой?

– Ёлка! – грозно прикрикнул брат и, нахмурившись, показал ей кулак.

– А чего Ёлка, чего сразу Ёлка? – надула губки девочка, начисто проигнорировав его жест и тон. – Как вам, мальчишкам, так можно, а как мне... Между прочим, Огнива с кривичанского подворья давеча хвалилась новой куклой, что ей тетя Шехназ пошила! А у Затеи, ее сестры, новые сережки появились, тетя Шехназ ее научила, как делать! Я тоже хочу так научиться! Ну И-и-ингва-а-ар! – заканючила она. – Ты ведь давно обещался меня туда сводить! И все никак не сводишь!

– Да ты и молотка-то в руке не удержишь! – отмахнулся брат. – Сережки ей делать учиться, вот тоже придумала!.. А что до Персюков – так это надо у взрослых спрашиваться!

– Ну так спросись! – уперла руки в бока Йоля с таким видом, будто была крайне поражена братовой бестолковостью. – А то только болтаешь! Воин ты или нет?

– Тьфу на тебя, девка! – в сердцах плюнул Ингвар. Васятка давно заметил, что грозной взрослой суровости у друга, старавшегося держать сестру в строгости, обычно надолго не хватало. Не по возрасту разумная и не по чину боевая девчушка очень хорошо умела вертеть старшим братом!

Осторожно покосившись на приятеля – не смеется ли над ним? – Ингвар спросил:

– Мы можем пойти с тобой – если родители разрешат?

– А то ж нет! – обрадовался Васятка. – В компании и путь веселее!

– Тогда пригляди немного за этой трещоткой? Я до своих сгоняю, ага?

– Ага!

Ингвар умчался, вздымая босыми пятками уличную пыль и распугивая копошившихся в ней кур.

– У меня вот даже и бусинки для сережек есть! – радостно поделилась с Васяткой Йоля. Покопавшись в поясном кармашке-лакомнике, она что-то из него выудила и протянула мальчику раскрытую ладонь. – Вот! Отец с ярмарки привез! Правда красивые?

На ладони ее блестели, переливались стеклянными гранями две нарядные синие бусины величиной с крупную фасолину.

– Красивые, – согласился Васятка. – Небось, дорогие?

– Отец за них цивилам аж целый лосячий окорок отдал! – важно произнесла девочка, бережно пряча свои богатства обратно в лакомник. – А окорок этот и рога от лося сменял у эльфов на котенка от Белолапы.

Мальчик понимающе округлил глаза и присвистнул. Да, покупка была очень дорогая! Белолапа из дома Ингвара и Йоли славилась по всей Осиновке и за ее пределами как лучшая в округе кошка-крысоловка. Котят ее всегда охотно разбирали, едва они только приучались матерью к охоте. И еще ни разу никто из их владельцев не жаловался.

Цивилами в Осиновке называли жителей Буянова – села, лежавшего по ту сторону леса. Откуда повелось такое название – Васятка не ведал. Цивилы говорили на том же языке, что и в Осиновке, но одевались иначе, не пользовались доспехами и мечами, да и обычаи блюли иные – хоть в чем-то и схожие с укладом осиновцев.

Васятка несколько раз бывал с родителями в Буянове. Те время от времени ездили туда – на ярмарку и в церковь. В Осиновке церкви не было, но зато были капища, где другие жители деревни молились кто Одину, кто Роду, кто еще каким иным богам.

Несмотря на столь разные веры и обычаи, отношения между Осиновкой и Буяновым были вполне добрососедскими. Жили-то, почитай, сообща – из одной реки рыбу ловили, в один и тот же лес по грибы-ягоды да на охоту ходили. Как тут враждовать? Да и торговали друг с другом помаленьку, за новостями и в гости к соседям бегали, а то, случалось, и роднились даже. Что, впрочем, ничуть не мешало острословам с обеих сторон зубоскалить по поводу чудного уклада жизни соседей... ну так на то они и соседские отношения!

На дороге показался встрепанный и запыхавшийся Ингвар.

– Разрешили! – уже издали радостно крикнул он. – Ёлка, живо собирай своих кукол-шмукол, мы идем в Персюки!

– Ура-а-а! – завопила девочка и кинулась запихивать глазастых любимиц в висевшую через плечо холщовую котомку.

Лес между Буяновым и Осиновкой считался почти не опасным. Дикое зверье предпочитало держаться в его глубине и на окраины совалось не особо охотно. Конечно, бывали и потравы полей, когда кабаны или лоси выбирались из чащи и нагло паслись среди посевов, и случаи, когда оголодавшие волки задирали чью-нибудь овцу или корову, но массовых опустошительных набегов не случалось уже лет десять-пятнадцать. Численность расплодившегося было после Судного Дня зверья надежно сдерживали в разумных пределах как осиновские и буяновские охотники, так и жившие в лесной чаще лешие с кикиморами да эльфы.

Судный День или, как говорили в урманском конце, Рагнарёк, случился давно, лет так двадцать назад. Васятки тогда еще и не было на свете, но взрослые очень хорошо помнили те времена и рассказывали детям истории одна другой страшнее. Тут тебе и рушащееся на голову пылающее небо, и плавящаяся земля, и целые города, словно сметенные с лица матушки-земли одним взмахом чудовищной палицы неведомого богатыря, и горы обугленных трупов, и незримая смерть, косившая людей и зверье потом, годы спустя...

К счастью, эти места Рагнарёк не затронул. Взрослые говорили, что рушить в эдакой глухомани было просто нечего, потому Безносая и пронеслась мимо, лишь коснувшись этой земли краем своего савана. Но и этого хватило.

Васятка слышал от взрослых, что раньше, до Судного Дня, в Осиновке никто не жил. Да и Буяново стояло не особо населенное – так, доживали свой век в трех-четырех избах несколько стариков-цивилов, да летом и на праздники наезжали из города их дети и внуки со своими детьми. Нынешнее население Осиновки тоже ранее жило не здесь, а кто где. В основном, их родными местами были какие-то далекие города и страны, о которых теперешнее поколение слышало только из рассказов родителей, больше напоминавших сказки. Некогда все эти люди собрались в осиновском лесу на какой-то великий многодневный сход, или, по-урмански, альтинг. То ли князя-конунга над собой выбирали, то ли праздновали чего-то – Васятка так и не понял. Но Судный День случился как раз в те дни.

Отец рассказывал, что, пережив Рагнарёк, некоторые люди пытались вернуться в свои родные места, отыскать родичей... Они уходили из Леса, где укрылись от Судного Дня и его последствий участники Схода, уходили – чтобы через некоторое время вернуться... или не вернуться вовсе. Многие из тех, кто возвращался, потом умирали от непонятной хвори – умирали долго, мучительно, страшно... Именно они принесли в Лес вести о разрушенных городах, обугленных или рассыпавшихся в прах трупах их жителей, о царящем среди редких выживших ужасе, безумии и страшных в своем отчаянии и жестокости попытках выжить, выползти, выцарапаться...

На Большом Тинге, собранном вскоре после того, как были получены первые жуткие вести о творящемся в окрестном мире, было решено: из Лесу пока не выходить, для жилья выкопать землянки и возвести вокруг сего поселка надежный островерхий тын. Как потом оказалось, затея с тыном была верная: в первые дни и месяцы уж слишком часто в этих краях появлялись люди, бежавшие из опаленных Рагнарёком мест. Некоторые из них были мирные и охотно прибивались к лесной общине. Но некоторые несли зло и разрушение, как будто сами были исчадиями Судного Дня.

Таких обычно встречали мечами, копьями, топорами и немногочисленным огнестрельным оружием, добытым смельчаками все в тех же разрушенных поселениях. Огнестрела и припасов к нему было крайне мало, патроны берегли, поэтому воевали больше холодняком – как привыкли.

Шло время, в окрестностях Леса становилось все спокойнее, и, наконец, на очередном Большом тинге старейшины порешили: одной охотой и рыболовством не прожить и детей не вырастить, надо отыскать поблизости какую-нибудь уцелевшую деревеньку и переселяться туда. Заводить хозяйство, сеять хлеб, разводить скотину...

Так и сделали, заселив пустовавшую Осиновку. По первости много трудностей было – ведь многие ранее жили в городах, и о сельской жизни имели довольно слабое представление. Но потом потихоньку все наладилось. Помогли оказавшиеся среди беженцев селяне, да и среди своих были люди, обладавшие хоть какими-то навыками работы на земле и с животными. Главное – что среди тех, кто приехал на тот Сход, были, помимо воинов, и кузнецы, и горшечники, и прочий ремесленный люд со всякими своими приспособами и инструментами! А далее – задружились с соседями из Буянова (которое тоже стало эдакой сборной общиной из немногочисленных местных и пришлых людей), начали общаться,

помогать друг другу, новостями и товарами обмениваться...

Правда, буяновцы очень долго не могли привыкнуть к странному, на их взгляд, виду и обычаям соседей и поначалу дивились на их одежды – все эти холщовые и шерстяные рубахи и порты, поневы, хангерки, плащи, женские повои и намитки, необычные бронзовые и серебряные украшения... На их оружие и кольчуги со шлемами... На высокий, из остро затесанных бревен, тын вокруг деревни... Но все же привыкли, а после одного жаркого дела, когда осиновская дружина помогла буяновцам отбиться от появившейся в их краях шайки лиходеев, и вовсе перестали проезжаться на сей счет.

Но, правда, прозвища «цивилы» и «ряженные», которыми поначалу, во времена знакомства и притирки наградили друг друга два поселения, никуда после того не делись. Более того – зацепились в местной речи, да так и остались.

Со временем к ним добавились еще три слова: «эльфы», «кикиморы» и «лешие». Не все жители Леса согласились покинуть надежную чащу и переселиться в дома. Часть осталась в землянках, часть перебралась в хижины, построенные в ветвях могучих, как-то уж слишком сильно пошедших после Рагнарёка в рост деревьев. Прошло двадцать лет, и постепенно жители Леса превратились для двух людских поселений во что-то вроде местной нелюди. Не сказать, чтобы сильно опасной, но которую лишний раз лучше не задевать. Даже на больших разгульных ярмарках в Буянове, куда стекались не только жители двух дружественных поселений, но и лесовики. Вооруженные длинными луками искусные стрелки и следопыты эльфы и одетые в странные, мохнатые, сливающиеся с листвой одежды любители засад и хитрых ловушек лешие с их женками-кикиморами охотно выходили из своей чащи, чтобы обменять у людей охотничьи трофеи и изделия своих ремесленников на хлеб, овощи и ткани.

На тропинку неторопливо выползла огромная, с ладонь величиной, бурая гусеница, покрытая длинными пушистыми волосками. Ребятишки ойкнули и зажали ладошками рты.

– Зубосчиталка! – испуганно пискнула сквозь пальцы Йоля.

Среди осиновской ребятни считалось, что если при виде этой похожей на щетку гусеницы «показать зубки», то они вскоре выпадут и больше не вырастут.

Потому и береглись всякий раз при виде такой ползучей гадины.

Опасливо обойдя тварь стороной, дети пошли дальше. Тропинка вела их напрямик через покосный луг к лесу, срезая солидный угол, который наезженная дорога огибала широкой дугой.

Из Осиновки в Буяново и обратно можно было добраться двумя путями – по речке Пестрянке, в обход Леса, и лесной дорогой. По реке было ближе, но с тех пор, как на ней завелась ватага речных удальцов-ушкуйников, водный путь стал не очень-то удобным. Нет, ушкуйники, нападая, никого не убивали – ведь все они были местными осиновскими сорвиголовами, которые просто скучали без приключений и подвигов. Но кому охота быть выкупанным в речке, обсмеянным, да еще и лишиться части своего скарба или – того хуже – товаров?

В Осиновке удалых ушкуйников называли викингами, а в Буянове – выкингами, недвусмысленно намекая на то, что родная община их как бы выкинула из привычного круга. Верховодил выкингами коренастый сивобородый Гуннар Петерссон. Это под его началом несколько осиновских парней и мужиков – из тех, кому в дальних краях медом было намазано – починили старый, еще на тот незапамятный предРагнарёкский Альтинг привезенный, драккар и теперь ходили на нем по реке от осиновской мельничной запруды до буяновского моста и ниже, сея в обитаемой округе переполох и творя всяческие беспорядки. Озоровали, правда, выкинги большей частью в шутку и чаще всего донимали своих, осиновских. Куражиться над соседями их отучили суровые, не понимавшие специфических осиновских шуток буяновские мужики, однажды пригрозившие Гуннару, что не посмотрят там на их мечи и кольчуги и, если выпадет случай, пропишут березовой каши всей ватаге! Что, кстати, однажды и проделали над двумя не в меру загулявшими Гуннаровыми удальцами, решившими по пьяни угнать единственную козу бабки Матрены, самой старой жительницы Буянова. Козу бабке выкинги, конечно же, потом бы вернули – как возвращали большинство из награбленного у бондов и купцов добра, но буяновские мужики, как уже говорилось, подобных шуток не понимали.

Гуннару и его выкинкам влетело от старейшин по первое число на первом же тинге, и с тех пор они, проходя мимо буяновских берегов на своем «Ярле Мурке», всегда делали вид, что собираются пристать для грабежа – к вящему пугливому восторгу стирающих на мостках местных баб, девок и крутящихся тут же ребятишек.

Но большей частью викинги вели себя мирно. И, несмотря на свою разгвоздяистость, мужиками они были серьезными и надежными. Именно они, курсируя ежедневным дозором по реке ниже Буянова, некогда углядели в здешних местах ту самую шайку пришлых лиходеев, от которой потом оба поселения отбивались дружным скопом. Помогали викинги и при перевозке людей и грузов. А в последнее время Гуннар все носился с идеей дальнего похода. Пестрянка впадала в более широкую и глубокую реку, где-то далее протекавшую через небольшой городок, и викингов все тянуло посмотреть, кто живет и что происходит спустя двадцать лет после Рагнарёка на тех далеких берегах.

Незадачливых же похитителей бабки-матрениной козы с тех пор в обоих поселениях именовали не иначе как Козловодами и долго еще глумились, припоминая им надранные розгами приключенческие места.

– ...а еще говорят, что у каждого лешего и кикиморы есть древнее, доставшееся от предков, могущественное оружие. Называется оно «привод», – рассказывал многознающий Ингвар. По пути в Персюки как-то сам собой зашел разговор про обитателей Леса. Сперва сторожились – а ну как эти самые обитатели услышат в своих схронах и оскорбятся? Потом осмелели. – Правда, им воевать уже нельзя – нет нужных припасов. Говорят, когда-то в Лесу росла белая клюква, которой и стреляли из этих священных приводов...

– Как из луков? – всунулась любознательная Ёлка.

– Ну... наверно. Ты не перебивай, а то не буду рассказывать! Или вообще домой отправлю!

– Молчу, молчу! – девочка испуганно прихлопнула рот ладошкой и знаками показала, что нема, как рыба.

– Ну так вот. Теперь эта белая клюква больше в Лесу не растет, и ихнее оружие предков утратило свою силу и перестало стрелять... Чего, вы думаете, они для своих забав на горохоплюйные трубки перешли и у нас вечно горох с поля тырят?

– А что они сделали с теми священными приводами?

– Они теперь на них фапают! – авторитетно заявил Ингвар, повторяя непонятное слово, слышанное от взрослых.

– Что-что делают? – не понял Васятка.

– Ну... молятся! – на этот раз не слишком уверенно пояснил приятель. – Повесят на стенку землянки и молятся, как на идолов. А еще – похваляются друг перед дружкой. У кого привод больше и толще – тот и самый крутой, потому что его бог – самый могучий. Из таких они и вождей себе выбирают.

– Во, дикари! Вождь – это ведь самый смелый и мудрый... А не тот, у кого копье длиннее!

– Вестимо, не тот!

Где-то ближе к Буянову от накатанной лесной дороги отходила в сторону колея, ведущая в Персюки. По словам взрослых, раньше хутор был жилищем местного лесничего, но хозяин, как говорили, уехал куда-то по делам незадолго до Судного Дня, да так и сгинул неведомо где. Позже в его избушке поселились персидцы Алишер и Шехназ, по каким-то только им ведомым причинам решившие не уходить вместе со всеми в Осиновку, а остаться в лесу и жить отдельно от всех прочих. Взрослым те причины, возможно, казались странными, но ребяташки считали само собой разумеющимся, что знахарь, умеющий делать всякие таинственные зелья и водящийся с лесными обитателями, живет в лесу опричь людских поселений.

Ну а где же ему еще жить?

Несколькими километрами северо-западнее

...Боль... Тупая, тянущая боль в боку, она не дает как следует вздохнуть и насытить кислородом отчаянно бьющееся сердце. Измученное многочасовым бегом тело стонет, жалуется, вопит, требует остановиться, прилечь на мягкий моховой ковер и отдохнуть... Хотя бы минуточку... пять... десять...

Но отдыхать нельзя. Нельзя отдыхать! Позади черной безжалостной волной идет беда. Пока она еще далеко, но это вопрос исключительно времени и... выносливости и быстрых ног.

Говорили же этому мягкотелому дурню Никитенко: нельзя спускать с рук шайке Залетного их темные делишки! Не то время! Так нет же, вместо того, чтобы жестко, как и полагается по законам трудного времени, покончить с Залетным раз и навсегда, председатель поссовета всего лишь... изгнал его в леса да болота! Вместе с шайкой! Идиот! Гуманист хренов! Вот теперь и пожал плоды своего чистоплюйства – висит на телеграфном столбе, а вокруг, насколько видит глаз, пылает Заборьевск, оглашаемый воплями его гибнущих жителей! Неизвестно, где и откуда Залетный набрал еще людей в банду – возможно, по затерянным в местных лесах и некогда захваченным вырвавшимся на волю экама «зонам», но он вернулся. Вернулся ровно через год после приговора, с целой ордой вооруженных до зубов приспешников. И тогда в поселке наступил ад...

Олег, согнувшись и прижав к боку руку, прислонился к дереву. Нет, все-таки чуть-чуть перевести дух надо. Иначе он не дойдет.

Ему удалось избежать гибели, наверное, чудом. С утра он отправился рыбачить на Долгое озеро, а когда вернулся...

Белые от ужаса глаза женщины, выскочившей на него из объятых огнем и дымом поселка. Крик: «Беги! Беги-и!» Короткая стрела, вонзившаяся ей между лопаток... Каким-то наитием Олег определил: стрела была пущена из спортивно-охотничьего арбалета, какие он видел когда-то давно еще до Удара в магазинах для охотников.

Над плечом свистнул еще один болт, и Олег, спохватившись, прыгнул обратно в седло своего старенького велосипеда и налег на педали.

Неизвестно почему, но преследовать его не стали. Чуть позже, когда милосердная ночь опустилась на обугленные руины и тела убитых, а насытившиеся грабежом, убийствами и насилием захватчики расположились на окраине разоренного Заборьевска, празднуя победу, Олег сумел незаметно пробраться в поселок. Он хотел выяснить, что стало с его женой и дочерью, и, если они живы, попытаться вызволить их.

Он никого не нашел. Его дом обрушился, погребя под пылающими бревнами своих жителей. Они были дома, Олег знал это. С самого утра Ирина собиралась печь пироги, а Леночка – помогать маме...

Поначалу Олег был готов волком выть и голыми руками разгребать рдеющие угли. Еле-еле заставил себя успокоиться и затаиться. У него появилась слабая надежда, что жена и дочь живы, что, возможно, бандиты захватили их в плен...

Осторожно, таясь среди теней, он подобрался к охваченному разгульным весельем лагерю банды.

...Олег не увидел своих среди немногочисленных пленных, сидевших тесной кучкой под охраной двух дюжих бандитов. Но он увидел, ЧТО творили с захваченными женщинами, девушками и подростками обоего пола молодчики Залетного. И понял, что смерть в горящем доме была более милосердной к его близким.

Из разговоров бандитов он узнал, что захватом Заборьевска они ограничиваться не собираются. Залетный имел далеко идущие планы добраться до ЗАТО «Озерки», лежавшего километрах в сорока юго-восточнее, и пошарить на складах местных военчастей: вдруг еще там сохранилось какое-нибудь более серьезное, чем охотничья двустволка или пистолет, огнестрельное оружие и боеприпасы? Сейчас же, насколько Олег смог установить, огнестрела у людей Залетного было мало, и в ход его пускали крайне бережливо.

О прочих планах ему узнать не удалось: его засекли. Олегу и на этот раз повезло – удалось убежать, но преследователи, травившие его с упорством натасканных на ловлю беглых зэков овчарок, загнали его в лес и обложили так, что и не высунуться. Правда, в самом лесу не преследовали. То ли бандиты плохо там ориентировались, то ли опасались местных ночных хищников, то ли решили, что беглец сгинет там и без их помощи...

Решение пришло как бы само собой: надо прорываться дальше, на юг – юго-восток. К тому самому городку, куда двигалась банда Залетного. На ее пути – если судить по карте района (висевшей в поссовете до гибели Заборьевска) – лежало несколько деревень. Олег не знал, уцелел ли кто-нибудь из их жителей во время Удара. Двадцать лет назад, когда он сам оказался одним из немногочисленных, сумевших-таки добраться до этих глухих мест беженцев, в

одном из сел, в Буянове, люди были. Несколько семей местных жителей и небольшая горстка дачников с детьми. И, кроме того, в лесу по соседству прятались от напасти какие-то чудные люди в странных старинных одеждах... Олег даже припомнил их название из той, прошлой жизни с Интернетом и телевидением – реконструкторы. Удар застал их во время какого-то очередного их фестиваля... Надо отдать должное этим ребятам – сориентировались они быстро. Нарыли землянок, обнесли свое лесное поселение высоким тыном и стали привечать и принимать к себе всех, кто шел через эти земли с миром, пытаясь спасти себя и близких. Всех прочих – осмелевших от безнаказанности бандитов, убийц и всяких любителей поживиться чужим добром отваживали острыми стрелами, дождем сыпавшимися из-за неприступного тына. Олег хотел тогда остаться с ними, но Ирина, тогда еще просто его девушка, уперлась. Не хочу, сказала она, жить среди ряженных придурков с игрушечными мечами – и все тут! Так и пришлось идти дальше, на север.

Эх, Ирка, Ирка... Не будь ты тогда такой упрямой, глядишь – и уцелели бы вы с Леночкой... И он сам не плутал бы сейчас, задыхающийся и еле живой, по разросшемуся за эти двадцать лет лесу...

Олег решил: раз уж его загнали в чащу, то он попытается добраться до того земляного поселка, когда-то построенного реконструкторами. Как знать, может, они все еще сидят там, и у них даже все благополучно! У них есть люди, есть не требующее сложных технологий и дефицитнейших в это время боеприпасов оружие и главное – умение с ним обращаться! Наверно, они сумеют остановить Залетного. Должны суметь! Потому что нельзя допустить, чтобы банда душегубов и убийц добралась до ЗАТО и разжилась приличным (если оно, конечно, там еще осталось) оружием!

Ну а если все окажется хуже, чем предполагал Олег, если остановить бандитскую орду некому... Тогда он хотя бы предупредит всех, кого встретит по пути, чтобы уходили в леса и там пережидали опасное время. Страшная участь, постигшая Заборьевск и его жителей, наглядно и жестоко показывала, какая судьба ждет поселения, управляемые бездарной администрацией и не умеющие толком себя защитить.

...Немного отдохнув и переведя дух, Олег двинулся дальше. Бандиты загнали его в лес ночью и, спасаясь от них в темноте и без дороги, он заблудился. Еле-еле дождался рассвета и сразу же продолжил путь. К сожалению, он плохо умел ориентироваться в лесу, а полученные еще давным-давно в школе скудные

знания про мох на северной стороне деревьев и форму муравейников оказались бесполезными: мох покрывал здешние стволы со всех сторон, а муравейники ему почему-то не попадались. Положение же солнца за пышными древесными кронами просматривалось плохо.

Несколько раз Олегу встречались тропинки, но уводили они куда-то в сторону, да и были – судя по встречающимся следам и помету – протоптаны, скорее всего, местным зверьем. Встреча с каким-нибудь кабаном-переростком или волком в его планы не входила, поэтому Олег избегал тропинок и старался двигаться, как ему казалось, напрямик, к югу, ориентируясь на мелькавшее среди ветвей солнце. Несколько раз ему приходилось перелезать через буреломы или форсировать ручьи. А однажды он чуть не провалился в самую настоящую волчью яму с кольями на дне! На симпатичном мшистом пяточке среди молодых елочек нога, ожидавшая привычной земной твердости, вдруг соскользнула в пустоту и поехала по крутому склону, потянув за собой все тело. Олег едва успел схватиться за одну из елок. Он сумел вытащить себя из разверзшейся под ногами ямы и долго лежал на ее краю, тяжело, со всхлипами, дыша и матерясь сквозь зубы: он увидел, ЧТО это была за яма, и что скрывалось на ее дне, хитроумно прикрытое настилом из веток и мха. Еще немного – и окончилась бы его жизнь на остро заточенных кольях, хищно скалившихся со дна западни!

Однако, осмотрев с безопасного расстояния ловушку, Олег чуть воспрял духом: она была довольно свежая! А это значит, что ее поставили совсем недавно, и поставили, скорее всего, люди, местные охотники! И значит, скоро его мытарства подойдут к концу, он доберется до людей и все им расскажет!

Наученный горьким опытом, он подобрал крепкий сук и теперь шарил и тыкал им перед собой, прежде чем сделать шаг. Еще не хватало снова угодить в подобную же яму!

Когда он обходил огромный выворотень, нога вдруг зацепилась как будто за низко растущий прутик. Что-то хищно свистнуло... и Олег с удивлением и недоумением уставился на короткую тонкую стрелу, вонзившуюся в голень чуть повыше края потрепанного резинового сапога.

А потом пришла боль.

Олег взвыл, схватившись за раненое место, и рухнул на землю, скрипя зубами и матеря затейников, понаставивших в лесу ловушек. Краем сознания он, конечно, понимал, что местные жители – кем бы они ни были – наверняка с их помощью просто охотились, стремясь прокормить себя и свои семьи... Но мысль эта облегчения не доставляла.

Олег осмотрел рану. Стрела прошла сквозь мякоть ноги и высунула свой острый хищный носик с противоположной стороны. По уму, надо было – как он видел в старых исторических фильмах – его обломить, выдернуть древко и перевязать рану. Но он почему-то медлил, охваченный слабостью и запоздалой дурнотой. «Вот и кончилось твое путешествие, Олежек... – мельком подумалось ему. – Далеко ты уйдешь с эдаким “довеском”? Вряд ли...»

Он тряхнул головой, отгоняя дурные, недостойные мужчины мысли, и взялся за скользкий от крови наконечник. К счастью, он был без обратных зазубрин, ровный и маленький. Скорее всего, Олегу «посчастливилось» наткнуться на капкан, настороженный, судя по высоте полета стрелы, на некрупного зверя – лису или барсука.

Попытка обломить стрелу окончилась неудачей. Окровавленное древко выскользнуло из пальцев, ногу словно обдало жаром – настолько сильна была боль от неумелого и неловкого движения. Олег закричал и потерял сознание.

Сколько он так пролежал – ему было неизвестно. Только очнулся Олег оттого, что ему как будто слышались... детские голоса.

«Бред... Ты сейчас ранен, в горячке, тоскуешь по погибшей дочери – вот тебе и кажется...» – подумал он и снова прикрыл глаза. Надо немного отдохнуть и еще раз попытаться избавиться от стрелы в ноге. Интересно, сможет ли он добраться до поселения тех охотников ползком? И... в какой стороне это самое поселение?..

Детские голоса снова прозвенели где-то недалеко... и тут Олег понял: ему совсем не чудится! Он приподнялся и всмотрелся в ту сторону, откуда доносились голоса и беззаботный смех. Что-то мелькнуло шагах в двадцати в просвете среди кустов и деревьев.

И тогда Олег закричал. Закричал так громко, как мог в этот момент:

– Лю-юди! Помогите!

Лесная дорога между Осиновкой и Буяновым

За разговорами как-то незаметно свернули с большака на колею в Персюки. По договоренности с людьми лесные пути и окраины надежно охранялись эльфийскими и лешачьими дозорами, так что матери не боялись отпускать детей одних через лес. Запрет был только один: не соваться в чащу. Во-первых, местные не любили, когда люди уж чересчур совали носы в их владения, а во-вторых, путешествие в чащобу могло окончиться мучительной гибелью в одной из охотничьих ловушек, коих в лесу было наткано в количестве. Охотники всех четырех поселений по особым приметам и знакам умели замечать и различать ловушки друг друга, а вот кого-нибудь из непосвященных (или незваных) в чаще, как правило, ждал крайне неприятный сюрприз! Да не один!

– ...а еще будто бы от песен эльфов папоротники зацветают. Потому что дивнее эльфийских песен, говорят, нет на всем белом свете!

– Про папоротники – это брехня!

– А вот и не брехня, а вот и не брехня! Мне Огнива рассказывала...

– Много она знает, твоя Огнива! Та еще врунья и болтушка! А папоротники не цветут – так дядя Алишер говорит! Он-то получше прочих об этом ведает! Что, съела?

Ингвар показал сестре язык, и та надулась, но спорить не стала. Мнение знахаря, как человека, разбирающегося в данном вопросе, и правда было куда весомее мнения подружки!

– А вот еще что скажу... – начал было, чтобы разрядить обстановку, Васятка. Но тут откуда-то слева, из самой чащи, куда всем людям, кроме охотников, лесорубов и бортников, соваться было заповедано, послышался слабый крик:

– Лю-юди! Помогите!

Дети испуганно примолкли.

– Вы слышали? – опасливо прошептала Йоля. – Кричал кто-то... На помощь звал...

– Я слышал...

– И я...

– Как думаете, кто там?

– Может... может это леший кричал? Или эльф?

– Тогда бы кричал: «Лешие, помогите!», или же «эльфы», а не «люди»... Может, охотник какой в беду попал?

– А пойдемте посмотрим?

– Ты дуручка? Забыла, что взрослые наказывали? Хочешь в ловушку попасть?

– А вдруг кому и правда помощь надобна?.. Эй, ты где там? – сложив у рта руки, крикнул Васятка. – Отзовись!

– Здесь... – пришел ответ. – Не бойтесь, ребята! Помогите мне, пожалуйста, я ранен! Нога прострелена, идти не могу! Мне в Буяново надо или в ближайшую деревню, очень срочно! Не бойтесь меня!

Шевельнулись ветки недалеко от могучего выворотня шагах в двадцати от дороги.

– Кажись и правда человек... – проговорил Ингвар. Они с Васяткой стояли, стиснув рукояти своих деревянных мечей и вглядываясь в заросли. – Что делать-то будем? Нам же туда нельзя!

Йоля подала ему толстый сук, схваченный ею у дороги на случай самообороны.

– Надо щупать землю перед собой. И в оба глядеть.

Мальчики безмолвно переглянулись и кивнули друг другу. Не пристало будущим воинам робеть, подобно девчонкам! Да и то – вон, Йоля не боится же!

– Ёлка, ты оставайся на месте, – велел Ингвар. – С дороги – ни ногой! Если что – побежишь в Персюки за подмогой. Поняла?

– Поняла.

Мальчики, осторожно ощупывая перед собой землю и зорко поглядывая по сторонам, двинулись на голос раненого. И вскоре увидели его.

На земле, беспомощно обхватив пробитую стрелой ногу, полулежал измученный, небритый и перепачканный землей мужчина лет сорока в одежде наподобие той, что носили буяновские цивили. Куртка его была в нескольких местах порвана, в волосах запутались мелкие веточки и хвоя. На ногах чужака сидели поношенные и заляпанные грязью, но даже на вид прочные сапоги из кожи какой-то неведомой Васятке твари, видом и гладкостью напоявшею о водных обитателях. Васятка живо припомнил, как в запрошлом годе, когда их Дарья выходила за Данилу, бегали они с ребятами в Общинный Дом смотреть на свадьбу. И там один мужик, не в меру перепив хмельной браги, поперся к реке, где на спор, голыми руками изловил у мельничной запруды зазевавшегося крокожаба в полтора локтя длиной. Зверя, правда, потом пришлось отпустить подобру-поздорову, потому как осиновокские жрецы и волхвы уж очень сильно ругались – мол, нечистая это тварь, ни есть ее нельзя, ни шкурой пользоваться, а уж в руки-то брать – и вообще погано! Так и отпустили крокожаба. Тот еще долго шипел и ругался из камышей на непочтительных людишек, а потом сгинул куда-то с концами. Не иначе как уплыл вниз по течению искать более спокойные места, где нет пьяных, дождых на разновсяческие затеи осиновокских мужиков.

Так вот, сапоги на ногах незнакомца были пошиты словно из крокожабовой кожи. С той разницей, что крокожабы (или тритоны – как учено выражался знахарь), водившиеся в Пестрянке, были все как на подбор серые, с бурыми змеистыми узорами на гребнистых хребтах. А неведома зверюшка, пошедшая на сапоги чужака, при жизни была зеленой с неровными черно-коричневыми пятнами, и расцветкой больше напоминала кое-какие вещи, виденные Васяткой у леших на ярмарке.

– Дядя, ты леший? – спросил он у незнакомца.

– Нет... Я не леший... – незнакомец попытался улыбнуться. – Меня зовут Олег... Я из Заборьевска... Поселок такой на севере... А вы откуда, ребята? – чужак оглядел одежду мальчишек, задержался взглядом на их мечех. – Вы, наверно, из реконструкторов?

– Не, мы из Осиновки.

– Осиновка обитаема?

– Да давно уж! Дядь, может, тебе лекаря надо? Так мы сбегает, тут недалеко дядя Алишер живет, знахарь.

– Потерплю пока без лекаря, – отмахнулся Олег. Он был несказанно рад этой встрече. Ребятишки, судя по их виду, точно были из тех людей, что жили тут в землянках двадцать лет назад. А значит, предпринятый им поход увенчался успехом. – Вы лучше бегите-ка в деревню и предупредите взрослых, что большая беда идет с севера. Лихие люди собрали шайку и теперь идут сюда с огнем и мечом, – всплыло вдруг выражение из когда-то прочитанного. – Они сожгли мой поселок, Заборьевск, а жителей перебили. Я один спасся и пошел сюда, на юг, чтобы предупредить... Скорее, ребята, не мешкайте!

Мальчишки ошеломленно переглянулись. Вот чего они совсем не ожидали – так это вражеского нападения!

Но, несмотря на юный возраст, мальчишки в Осиновке умели самостоятельно и довольно быстро принимать решение.

– Ёлка! – крикнул Ингвар сестре.

– Чего?

– Дуй со всех ног до дяди Алишера, пусть берет свои травы и скорее бежит сюда! Скажи ему, здесь раненый гонец с северных поселений! Оттуда на нас враги идут! – слышно было, как девочка охнула. – И что надо всех наших предупредить! Беги, Ёлка, беги!

С дороги тут же послышался удаляющийся топот босых пяток. Осиновские девочки тоже были приучены, когда это требовалось, действовать, не переспрашивая и не рассусоливая.

– Надо кому-то бежать в деревню, – проговорил Ингвар. – А кому-то оставаться с раненым.

– Метнем жребий? – предложил Васятка.

Ему выпало оставаться, Ингвару – возвращаться и поднимать тревогу. Маленький урманин просиял от такой чести. В Осиновке все мальчишки грезили о подвигах.

– Они, скорее всего, пойдут из Заборьевска по дороге, – торопливо говорил меж тем Олег. – Им нужен военный городок Озерки на юго-востоке. А дорога туда проходит через Осиновку и Буяново. Если это село тоже обитаемо – надо предупредить и его жителей.

Ингвар кивнул:

– Их предупредят. Старейшины пошлют кого-нибудь по реке, так быстрее.

– Ну, беги, боец, удачи тебе!

Ингвар, осторожно ступая по своим следам, выбрался на дорогу, и вскоре его уже и след простыл.

Йоля вихрем неслась по дороге, не обращая внимания на попадавшиеся под ноги сучки и шишки. Человек с севера принес страшные вести, и теперь от быстроты ее ног зависело многое. Как хорошо, что Персюки уже недалеко!

Она выскочила на поляну, посреди которой стояла приземистая, с земляной крышей, изба и несколько хозяйственных построек. От колодца к дому шла с полными ведрами босая женщина в просторной, подпоясанной на бедрах рубахе поверх стянутых у щиколоток шаровар. Ветерок трепал концы ее головного платка и нежно звякал монистами на лбу и шее.

– Тетя Шехна-а-аз!!! – отчаянно завопила девочка, со всех ног бросаясь к ней. – Дядя Алишер! Скорее! Беда!

Васятка не знал, сколько времени они с раненым вот так просидели возле выворотня. Олега же, наконец, отпустило то напряжение, в котором он пребывал с момента бегства из Заборьевска и все время блуждания по лесу, и теперь он находился то ли в дреме, то ли в легком забытии. Но он немедленно встрепенулся, когда из леса вдруг прилетел низкий и протяжный трубный звук, сложившийся в короткую мелодию из четырех нот. Сигнал повторился три раза.

– Что это? – спросил Олег мальчика.

Васятка прислушался и засиял, словно начищенная пряжка:

– Это рог дяди Алишера! Он сообщает эльфам и лешим, что людям нужна их помощь. Тревогу трубит, короче... Молодец, Ёлка, быстро добежала!

– Эльфы? – Олег непонимающе посмотрел на него. – Лешие?

– Это наши союзники, они здесь, в лесу живут, – как само собой разумеющееся сказал Васятка. – Странно, что ты ни на кого из них не наткнулся! Они обычно свои владения очень хорошо стерегут!

«Вот только эльфов мне еще не хватало!.. – устало подумал Олег, осторожно, чтобы не потревожить раненую ногу, меняя положение тела. – Или леших... Бред какой-то... Что тут у них вообще творится, у этих реконструкторов? Совсем, что ли, заигрались в свое средневековье?..»

С дороги вдруг послышался нарастающий drobный конский галоп и перестукивание ладно пригнанных ходовых частей телеги.

– Вася-я-ятка-а-а! – долетел сквозь топот вопль Йоли. – И-ингва-а-ар! Вылазьте, дядя Алишер приехал!

– Мы тут! – мальчик вскочил и замахал над головой руками.

– Тпрррру! – раздался звучный мужской голос, и топот затих. – Йоля, передай мне сумку и поддержи, пожалуйста, Реанимацию!

– Дядь Алишер, иди по нашим с Ингваром следам! – предупредил Васятка.

Вскоре перед Олегом предстал местный знахарь. Вопреки ожиданиям, одет он был весьма просто и скромно, безо всяких там висюлек, оберегов и прочих «шаманских цацок». Это оказался высокий худощавый мужчина лет пятидесяти, высоколобый, с длинными, забранными в хвост волосами. На лице его красовались аккуратные усы и короткая бородка. Сквозь надтреснутые очки смотрели властно и в то же время доброжелательно цепкие голубые глаза.

– Здравствуйте... доктор... – вырвалось у Олега.

Алишер посмотрел на него, и в его глазах зажглась смешинка.

– Добрый день, больной, – спокойно кивнул он. – Показывайте свою ногу. Будем лечить. Попутно все и расскажете... Василий, – обратился он к мальчику. – Будь добр, ступай к Йоле и помоги ей держать лошадь. Повезем нашего раненого в Осиновку.

Польщенный тем, что знахарь обратился к нему, как к большому, Васятка с готовностью отправился к телеге.

– Я все сделала, как велено было! – встретила его радостно подпрыгивающая девочка. – Сказала все-все, что надо, а дядя Алишер тут же велел Даниле запрягать Ренку и после бежать в Буяново, а сам взял рог, да ка-ак затрубит! Я аж чуть не оглохла! Васятка, как думаешь, лешие с эльфами откликнутся на зов?

– А почему бы им и не откликнуться? – вдруг раздался спокойный и слегка насмешливый голос. На глазах у ребят большая мшистая кочка невдалеке зашевелилась, выросла и... превратилась в высокую фигуру в лохматой, под цвет растительности, одежде.

– Мама! – взвизгнула девочка, но проявила выдержку и наутек не кинулась.

– Какой храбрый детеныш... – голос лешего был незлым и даже веселым. – Ну, так что у вас тут стряслось?

– Там гонец! – сглотнув ком испуга в горле, указал Васятка. – С севера! Говорит, что сюда враги идут! Его дом сожгли, а он пошел предупредить нас, но попал в ловушку, и сейчас его дядя Алишер лечит. А Ингвар в Осиновку побежал, чтобы предупредить всех...

Леший кивнул и, ни слова не говоря, двинулся в указанном направлении. Дети перевели дух и посмотрели друг на друга круглыми глазами. Будет что рассказать друзьям и подружкам!

Раздался болезненный вскрик раненого – видимо, знахарь выдернул стрелу. Ребята услышали, что все трое мужчин переговариваются, но слов разобрать не смогли. Через некоторое время Алишер и леший вдвоем вынесли Олега на дорогу и осторожно погрузили в усталую мягкую телегу. Нога гонца была тщательно перебинтована.

– Так, народ, – обратился знахарь к детям. – Садитесь в телегу и следите, чтобы его не растрясло. И сами держитесь. Ибо поскачем быстро, с ветерком.

Дважды ребятам повторять было не надо.

– Я предупрежу длинноухих. Ждите нас на заставе у моста, – вместо прощания сказал леший и... буквально растворился в подлеске.

Алишер кивнул и стегнул кобылу вожжами по гладкому крупу. Рена или Реанимация, также известная в этих краях под прозвищем «Скорая помощь», коротко ржанула и почти с места взяла в галоп.

Мост через речку Каменку недалеко от Осиновки

...Когда высланные Залетным перед основным отрядом разведчики вернулись, то у них были какие-то странные выражения лиц. Глаза круглые от удивления, физиономии растерянные. Как будто за поворотом дороги, огибающей «язык»

лесной чащи, они увидели как минимум Большой театр с фонтаном и балеринами.

– Ну, чего там? – спросил Залетный ошарашенных дозорных. – Чего пялитесь, как барыги на налоговую декларацию?

– Пахан... там эта... – нервно облизнулся один из разведчиков и ткнул большим пальцем назад. – Рыцари...

– Какие еще рыцари?

– Да ёпт... Натуральные! В кольчугах! С мечами!

У Залетного мелькнула мысль, что у дозорных то ли крыша от жары съехала, то ли «белочка прискакала» после ночной гулянки.

– Какие, на хер, рыцари – в нашей полосе, да в такое время? Совсем, что ли, допились, придурки?

Бандит стиснул рукоять пистолета. Разведчики и ближайшее его окружение шарахнулись в стороны.

– Да вот те крест, пахан! – размашисто перекрестившись, завопил разведчик. – Рыцари! Там мост, а они его жердиной перегородили и стоят! Не веришь – сам глянь!

Залетный посмотрел на него, потом пожал плечами и махнул остальным:

– Вперед! Посмотрим, что там за рыцари-быцари такие!

За поворотом и впрямь открылась довольно необычная картина. На мосту через неширокую речонку с крутыми берегами стояли, перегородив дорогу самым настоящим шлагбаумом, трое дюжих мужиков, словно сошедших с картины «Три богатыря». Железные, сверкающие в лучах солнца кольчуги и шлемы, обтянутые кожей щиты, мечи на поясе, а у двоих, стоящих по сторонам шлагбаума – копыя... Только коней не хватало.

Увидев появившуюся из-за поворота подозрительную толпу, вооруженную кто во что горазд, и шедшего во главе нее мрачного типа с пистолетом в руке, «богатыри» прервали какой-то свой разговор, и к шлагбауму вышел, как всем сразу стало понятно, начальник заставы.

– Господа проезжающие, – спокойно и даже с некоторой ленцой охраняющего игрушечный магазин и смертельно скучающего сотрудника ЧОП сказал он. – Вы находитесь на Кашеевой земле. Платите пеню[1 - Дословная процитированная дозорным реплика Бабы-яги из детского фильма-сказки «После дождичка в четверг».]

Залетный был тертым калачом, и мало кому удавалось застать его врасплох. Но тут даже он растерялся.

– Че-го-о? – протянул он. – Какая еще Кашеева земля? Какая, на хер, пеня? – лицо его начало наливаться кровью. – Вы тут чё – ох\*\*\*и, что ли? Или радиацией накрыло так, что мозги вытекли?

– Пахан, а может, они тут эта... кино снимают? – невпопад вякнул позади кто-то чересчур умный.

– Ага. Кино, – с прежним спокойствием подтвердил «богатырь». – Историческое. Про Куликовскую битву!

И он вдруг, в один миг сбросив лень и расслабленность, оглушительно свистнул.

Послышался топот, лязг, и на противоположный берег речушки из леса выбежал и перекрыл переправу отряд столь же колоритных, закованных в старинные доспехи воинов с длинными миндалевидными щитами и копьями. Позади тоже загремело, залязгало, и, отрезая путь назад, из чащи выкатилось почти такое же войско, но у этих щиты были круглые, разрисованные какими-то чудными зверями и переплетающимися линиями. За щитниками столь же быстро рассредоточились мужики и парни в обычной современной одежде. Вооружение их напоминало вооружение банды Залетного – с той разницей, что охотничьих ружей и арбалетов было все же побольше.

– Ах вы пи... – звук одиночного выстрела из «Сайги» не дал Залетному закончить фразу. Бандит покачнулся, взмахнул руками и осел на землю с аккуратной

дыркой в виске.

Банда пришла в волнение. Одни растерялись, оставшись без вожака, других охватил боевой раж. В воздух взметнулись дубины, кто-то щелкнул курками двустволок...

– А ну стоять, падлы! – прогремел зычный голос.

И бандиты не поверили своим глазам! Только что поле справа от дороги, на которой они стояли, казалось пустым. Ну, торчат какие-то кусты, кочки, стожки сена... Виднеется берег более широкой речки, в которую впадает вот эта мелкая и узкая...

На глазах у ошеломленной банды все эти кусты, стожки и кочки вдруг зашевелились и стремительно поменяли облик. Вскоре между дорогой и второй рекой выстроились в грамотном боевом порядке и взяли бандитское воинство на прицел... одетые в разномастный, но хорошо сливающийся с местностью довоенный камуфляж бойцы с самым разнообразным огнестрельным оружием. Тут были и знакомые всем «калаши», и американские «эмки», и какие-то неизвестные, но столь же серьезные «стволы»... В довершении всего на позиции выдвинулись два огромных пулемета.

– Ну что, добры молодцы, – с тем же убийственным спокойствием осведомился начальник «богатырской» заставы. – Живота али смерти попросите?

Окруженные с трех сторон столь внушительными силами, бандиты запаниковали. Они шли в эти места, рассчитывая на легкую поживу в пустых или малонаселенных и оттого беззащитных деревеньках, а нарвались на целую армию! И видно было, что армию – несмотря на киношный видок большей ее части – вполне профессиональную.

– А-а-а! – вдруг не выдержал кто-то из шайки. – Бей их, мужики!..

В толпе мародеров возникло движение, и какой-то тощий тип в рваной майке бросился на строй щитников, размахивая над головой топором.

В воздухе свистнуло, и зачинщик свалился, пронзенный коротким копьем-сулицей.

– Огонь! – рявкнул кто-то из одетых в камуфляж «спецназовцев».

Грохнул слаженный залп винтовок, дружно затарахтели автоматы и пулеметы, полетели сулицы. Бандитское войско, мигом растеряв гонор, превратилось в воющее неуправляемое стадо. Скользя и падая, теряя убитых, они бросились в ту сторону, куда еще был открыт путь – в лес. Им казалось, что там они окажутся в безопасности... останутся живы...

И только отбежав шагов двадцать-тридцать от опушки, мародеры поняли, как же сильно они просчитались! Высоко над их головами, в ветвях, слышались воинственные крики, и на незадачливых захватчиков тучей посыпались стрелы.

Оставшиеся в живых заматались, но незримые и безжалостные стрелки? продолжали гнать их в глубь леса. По пути некоторые провалились в ловчие ямы и теперь корчились на острых кольях, оглашая лес душераздирающими криками.

Вскоре бандитское войско Залетного перестало существовать.

Заборьевск был отомщен, а другие поселения на пути к ЗАТО «Озерки» избежали его трагической участи.

Осиновка, торжище

– Их сгубило не только отсутствие слаженности, нормального оружия и боевой подготовки, – сказал осиновский воевода Злат Соколич, отставляя опустошенный кувшин и вытирая пышные усы. – Они не ожидали серьезного сопротивления. Вот и шли, как к теще на блины. Даже арбалеты свои, про которые гонец нам говорил, зарядить не успели.

– Хорошо, что не успели, – кивнул Сергей Иванович, начальник отряда буяновской милиции. – А то пришлось бы и на них патроны тратить, а они в огороде не растут!.. Но как вы ловко придумали с этими звуковыми эффектами! –

повернулся он к мохнатой зеленой фигуре, легко державшей на плече массивный пулемет ПК с громоздким прямоугольным магазином. – Не знай я всей тонкости замысла – тоже бы решил, что по этой шайке из настоящего огнестрела садят! Всего четыре автомата и одна «Сайга» на весь отряд – но какой психологический эффект! Они уж точно решили, что все ваши стволы – настоящие! Вон, как драпали!

Леший сдвинул назад капюшон своего балахона, и все увидели его лицо – обычное, человеческое, только покрытое маскировочным черно-зеленым гримом.

– Страйкбол – дело тонкое! – улыбнулся он. – Но настоящие «калаши» все равно рулят.

– Да, братцы, не сходи мы тогда, несколько лет назад, в ЗАТО – глядишь, и с нашей стороны жертвы были бы! А теперь – поди, сунься к нам! – хохотнул Гуннар Петерссон, любовно поглаживая свою здоровенную боевую секиру. – И как бы мы тут ни игрались между собой в средневековье и народные сказки, но защита дома – это защита дома. А реальный бой – это реальный бой. Секира, конечно, штука серьезная... особенно если ее наточить... но автомат-то – надежней!

– С другой стороны, – подмигнул страйкболисту-«лешему» Злат Соколич, – хорошо, что ваши приводы до сей поры дожили, а запасы шаров не растерялись! Вот теперь и они пригодились для хитрости военной!

С момента разгрома мародеров прошло часа три-четыре. Выступавшие загонщиками ролевики, они же – эльфийские лучники, вернулись к заставе и доложили, что ни один враг не ушел от заслуженной кары. Убитых на лугу и окраине леса бандитов зарыли в общей яме, воспользовавшись одним из лесных оврагов. Среди своих потерь не было.

Вернулись в покинутые дома укрывшиеся в лесу на другом берегу Пестрянки женщины и дети, сняли доспехи и успели искупаться и отдохнуть воины. В Осиновке готовилось большое общее празднество по случаю победы над врагом.

– Кстати, – спохватился вдруг буяновец. – Все никак не соберусь спросить: почему у вашего драккара такое странное название – «Ярл Мурка»? Откуда оно взялось?

– У-у-у! – выкинг скорчил довольную физиономию. – Это, брат, история, покрытая пылью веков... Давным-давно, – начал он интригующим тоном, – когда реки текли бензином, а бабки – за кордон, была в Длинном Доме добрая пирушка по случаю постройки нового драккара... вот этого самого, ага. И случилось быть на той пирушке заезжему шотландскому барду. Так вот. Упился тот бард хмельной браги по самое не могу и решил сказать новорожденному «лебедю волн» вису... хвалебный стих, то есть. Пошел он, было, на нос корабля, да вдруг споткнулся, да и вывалился за борт! Как-то успел уцепиться за носового дракона, так и повис на его шее. Но вместо того, чтобы выругаться покрепче, он, как истинно отмеченный всякими доблестями муж, облобызал драконью морду, словно любимую жену, да и сказал... – Гуннар сделал значительную паузу, – он сказал: «Я свою Мур-р-рку никому не отдам! Потому что она на нашего ярла похожа!» Так с тех пор и пристало прозвище драккару. Несколько раз хотели переименовать как-то более серьезно и достойно – но ведь как приклеилось! «Ярл Мурка» – и все тут! Видать, богам так было угодно. Так и оставили.

– Как же, как же, помню я ту историю! – раздался над его ухом голос неслышно подошедшей к компании мужчин Алхены, предводительницы «эльфов». – Между прочим, Гуннар, радость моя, ты еще с той игры должен мне проспоренную бутылку коньяка... – она вскинула ладонь, останавливая открывшего было рот для возражений урманина. – Но так и быть, я тебе ее прощаю – в честь сегодняшней победы. Тем более что коньяка ты сейчас все равно нигде днем с огнем не сыщешь.

– Это я-то не сыщу? – рявкнул выкинг и даже побагровел от возмущения. – Вот погоди, длинноухая, будет у нас дальний поход – добуду тебе и коньяк твой, и все, что только ни пожелаешь!..

– А привези-ка ты мне, батюшка, цветочек аленькой... – с преувеличенно индифферентным видом проговорила в пространство подошедшая к воеводам пяти союзных дружин острая на язык Шехназ. – Ну, или сразу уж чудовище страшное для утех любовных...

Все примолкли, а потом грянул дружный хохот.

– Между прочим, там женщины уже столы накрыли, – невозмутимо сообщила персидка, звякнув многочисленными, ради праздника надетыми монистами. – Только вас и ждем!

Ирина Бакулина

Вперед, благородные доны!

Лёньке четырнадцать, и он сталкер. Правда, об этом еще никто не догадывается. Да и сам Лёнька вовсе не Лёнька, и даже не Леонид, а благородный кабальеро дон Леонсио. Об этом тоже никто не знает. Разве только старший брат Сашка да его друг Митяй, что носят не менее звучные имена дон Алехандро и дон Деметрио.

– Блин, дон Алехандро! – сердится Митяй. – Какого хрена мой нож лапает?

– Не далее как вчера вы, дон Деметрио, воспользовались моим, причем затупили его и не озаботились заточкой, – отзывается Сашка, не отрываясь от очинки карандаша. – Так почему бы благородным донам не совершить временный обмен оружием?

Благородный дон набычивается и сопит.

Лёнька в полном восторге закатывает глаза, но тут же благоразумно заслоняется ветхим атласом Смоленской области. Он и так знает, что будет потом. Митяй некоторое время потопчется на месте, что-то ворча себе под нос и перебирая книги на столе, пошатается из угла в угол, улучит момент и исчезнет – вместе с Сашкиным ножом. Вернувшись, он с тихим стуком положит оружие на столешницу и свирепо зыркнет в сторону Лёньки – «вот только чирикни там, малёк».

– Благодарю, дон Деметрио, – произносит Сашка величественным тоном, плавно поднимаясь и протягивая руку для пожатия, – и надеюсь, заточка окажется достойной сего славного клинка.

В следующий миг Митяй, опрокинув стул, грохается на ковер и завывает басом.

– Будешь еще? Будешь? – оседлав друга, Сашка старается просунуть руки под крепко прижатые локти Митяя и достать до подмышек. – Сколько раз тебе говорили, а?!

Его торжество продолжается недолго – Митяй утробно рычит и выворачивается. Теперь уже Сашка прижат к полу. Лёнька некоторое время с воем скачет вокруг битвы медведя с леопардом, а потом валится животом на широкие плечи Митяя:

– Вперед, в атаку!

Сашка выплевывает «кха!», с натужным сипением забирает воздух и выдыхает:

– Сво... лочи... пош-ли... на...

Дверь в библиотеку открывается, и разражается настоящая буря.

– Это еще что?! А ну, брысь отсюда, обалдуи! Помощники называется! Митяй, кому сказано? Сашку же раздавишь, медведь нечесаный!

Спорить с разгневанной тетей Аней себе дороже, поэтому Лёнька и Митяй, фыркая и ухмыляясь, цепляют Сашку под мышки и ретируются под сердитое «и чтоб я вашу троицу неделю не видела!».

До своей комнатки они мчатся наперегонки, перепрыгивая через ступеньки и едва вписываясь в повороты. Людей в коридорах жилого корпуса практически нет – это у братьев и Митяя сегодня свободный вечер, а остальные – кто на работе, кто на дежурстве, кто на тренировке. Ввалившись внутрь, они падают на койки и стонут от хохота.

– Достукались, – отсмеявшись, роняет Митяй. – Теперь неделю будем «Колобка» мусолить... или что там у тебя под подушкой, а, малёк?

– Но-но, – Лёнька и не думает обижаться, однако на такой выпад следует ответить достойно, – аккуратнее в выражениях, дон Деметрио, если не желаете лишиться языка!

– Он мне грозит, – Митяй приподнимается на локте, его лохматые брови лезут вверх так, что скрываются под черными кудрями. – Он – мне. Нормально, да? Дон Алехандро, вы офигеть как плохо влияете на младшее поколение.

Сашка только хмыкает. По всему видать – страшно доволен.

Лёнька улыбается во весь рот:

– И вы мне подарки обещали! Благородные доны сдержат свое слово, или мне научить их и этому заодно?

– Ух, язык, – бормочет Митяй.

– Сдержат, сдержат. – Сашка рывком садится, его высокие скулы заостряются, светло-серые глаза, точь-в-точь как у Лёньки, темнеют. – Мой подарок здесь оставишь, а вот митяевский завтра пригодится.

Лёнька тоже подбирается, обхватив колени руками. Митяй ободряюще подмигивает ему и скалит крупные, чуть желтоватые зубы с выступающими клыками – и вправду молодой медведь. В комнате воцаряется тишина.

Завтра на закате Лёнька выходит в первый Рейд.

Все дети Базы без исключений, когда им исполняется пять лет, отправляются в секцию самбо. В семь идут в школу, где, помимо освоения обычных предметов, учатся распознавать опасные растения и тварей, что живут за территорией Базы, – как они выглядят, как называются, какие у них повадки, что делать, если встретишь. В десять лет любой ребенок умеет оказать первую помощь и попасть в мишень из АК, и неважно, собрался он в сталкеры или решил растить овощи. Это должен уметь каждый, и точка. Такая нынче жизнь.

Двенадцатилетние подростки получают оружие (за территорию без него – ни шагу!) и впервые выходят осмотреться на подвесном мосту, прогуляться с патрульным отрядом, помочь взрослым на полях и огородах. Иногда им дозволяется даже встретить с дежурными караван или поучаствовать в отстреле слишком близко подобранных тварей – правда, с безопасного расстояния: со стены или смотровых вышек.

А тот, кто смекалист, ловок, меток и удачлив, попадает в отряд скаутов и после четырнадцатилетия отправляется в Рейд. «Раньше – паспорт и УК, нынче – форма и АК», – бывает, усмеваются взрослые.

Рейд длится ровно сутки: от заката до заката. Три матерых сталкера и один скаут. По результатам похода начальником Базы принимается решение – зачислить подростка в стажеры к сталкерам или взять на гарнизонную службу. Но, конечно, надзирать за укреплениями, дежурить на вышках, ходить в караулы вокруг Базы, встречать и провожать караваны, – это совсем не то, что отправляться в многодневные поисковые и торговые рейды. Поэтому Митяй и Сашка – семнадцатилетние стажеры, которые скоро уйдут в первый дальний рейд и вернутся настоящими сталкерами, – охотно делятся кое-какими навыками со скаутом Лёнкой.

– Сначала держи это.

Лёнка вскакивает и принимает от старшего брата небольшой, как раз по руке, кожаный кнут с плетеной рукоятью и петлей для запястья.

– О-о-о...

– Зорро позавидовал бы, гарантирую, – улыбается довольный Сашка и кладет узкую сильную ладонь на плечо Лёнки. – Владей!

– Теперь мой подарок, – нетерпеливо вклинивается Митяй и вручает младшему другу небольшой новенький пухлый гермомешок. – Их там, внутри, целых пять. Разного размера.

– Ох, спасибо! – Лёнка с благоговением смотрит на подарки и чуть не роняет их, когда Сашка хлопает его по одному плечу, а Митяй – по другому.

– С днюхой, дон Леонсио!

Часа через два, когда у большинства ребят появляется свободное время, в комнатку набивается куча народу. Глебыч притаскивает небольшой столик, Марк и Витька сдвигают к нему все три койки, Лёнка бежит на кухню за кипятком,

Сашка рассаживает гостей и раздает чашки, а Митяй всеми командует. Места хватает всем – и Аслану с Киром, и Севке с Лёхой, и прочим друзьям-приятелям Лёньки. И даже Полине с Олечкой, с которыми он накануне знатно и навсегда поссорился из-за какой-то невероятной ерунды. «На огонек» то и дело заглядывают знакомые, в основном соседи по корпусу и стажеры, приятели Сашки с Митяем, – поздравляют Лёньку и Глебыча, дарят всякую полезную или забавную мелочь и желают удачи: мальчики родились в один день, и в Рейды пойдут в один день.

На минуту заходит отец Георгий в камуфляже и «берцах», с ухоженным СКС на плече. Поверх пятнистой футболки холодным блеском отливает стальная цепь, на которой висит кованый крест. Ребята многозначительно переглядываются: все уже знают, что батюшка сегодня добрых два часа скреб звенья щеточкой с толченым мелом и антисептиком. Рано утром стоя ночных перелетных полосянок искала место для дневного отдыха, и База была поднята по тревоге, а священник, когда у него иссяк боезапас, именно этой цепью задушил тварь, приземлившуюся у входа в жилой корпус. Отец Георгий рокошет поздравления Лёньке и Глебычу и протягивает каждому по жестяной коробочке с «самолепными» медовыми конфетами.

Как ни в чем не бывало является тетя Аня, вручает Глебычу новенький блокнот, к которому веревочкой привязан карандашик («Ты же поэт, Глебушка, настоящий поэт! Никогда не забывай этого, даже в рейдах! Такие люди сейчас на вес золота»), а Лёньке – краски, да-да, самые настоящие масляные краски в тубах, «для самого настоящего художника». Правда, перед уходом тетя Аня грозит Лёньке пальцем, но тот лишь весело хохочет.

Абсолютно седой в свои неполные пятьдесят, директор школы втаскивает узкий деревянный стеллажик – «подарок ма?льцам от школьных работников и им сочувствующих». С удовольствием пригубив «за здоровье» из плоской фляжки, которую Митяй достает лишь по особым случаям, директор удаляется вместе с ней, усмехнувшись: «Экзамен пересдашь – отдам».

Потом все играют в фанты, в «немую угадайку», пьют травяной чай с соседской выпечкой и душистыми конфетами отца Георгия и, наконец, расходятся.

Лёнька ворочается. Лёнька вздыхает.

– Да сколько же можно, – тихо ворчит Сашка и, набросив на плечи одеяло, пересаживается на койку брата. – Ты вообще спать собираешься?

– Не знаю... не получается...

– Сонника заварить?

– Да ну тебя! Что я, маленький, что ли?

– Не маленький, но и не сильно большой, – в голосе брата насмешки нет и в помине, но Лёнька все равно подумывает, не обидеться ли ему. – А вообще молодец. Ты самый лучший из скаутов, и это я не как брат говорю, а как старший товарищ. Главное, мозги у тебя в порядке: и на рожон не полезешь, и в бою не трусишь.

Нет, пожалуй, обида совсем не к месту.

– Саш... А ты, правда, боялся в первом Рейде?

– Я же говорил. И в первом, и даже во втором. И Митяй боялся, и его родители, и наш отец тоже... Главное же не отсутствие страха, а его преодоление. Не вижу причин, по которым столь благородный дон не перерос бы страх. А если кто тебе заявит, что никогда не трусил, плюнь ему в рожу, как советует наш мирно похрапывающий дон Дементио.

Братья фыркают в унисон.

– Ну, хорош, – командует Сашка шепотом. – Завтра твой день, и ты справишься. Вперед, благородный дон!

– Есть вперед, – отзывается Лёнька. Закрыв глаза, он с теплотой думает о сегодняшнем дне, потом о завтрашнем, и вспоминает сказку, которую знает каждый ребенок Базы и которую ему когда-то рассказывала мама...

Давным-давно жил да служил в славном городе Вязьма один воин по прозвищу Комбат. Была у него жена да двое сыновей. Однажды отправился воин с

несколькими товарищами по служебной надобности в путь-дорогу, а тут налетела буря огненная, стальная да моровая, и погубила весь город, и другие города вокруг него, и многие города и селенья аж за тридевять земель. Но Комбату и воинам удалось спастись: мимо пронеслась страшная буря, не тронула их глубокий бункер.

Решили они подождать, пока все не утихнет, куда же в бурю-то такую пойдешь, и других не спасешь, и сам сгинешь. Ждали-ждали, ждали-ждали, уж и мочи не стало. Молвил тогда Комбат: «Будь что будет. Двум смертям не бывать, а одной не миновать, так что вперед!» Поднялся он наверх и увидел – стихла буря, но весь мир превратился в седой пепел, горячий ветер да смрадный туман. Страшно – хоть ложись и помирай.

Но помереть – дело нехитрое, это каждый дурак может. Надо как-то дальше жить. И решили воины вернуться в свой город, посмотреть, вдруг жив кто остался. Собрались они в путь-дорогу и пошли.

Долго шли, много горя повидали, да мало радости. И вот пришли наконец на то место, где стоял их город. А города-то и нет, одни пустыри да развалины. Рассказали воинам немногие уцелевшие люди, как огненная буря просто смахнула Вязьму и соседние поселки. Как низко над землей распластались гигантские пыльные блины, в них взорвались и тут же схлопнулись темно-золотые шары, а потом раздулись на пол-неба серые ворохи дыма. Как остались в эпицентрах лишь звенящие раскаленные пустоши, как далеко от мест взрывов замертво оседали люди и дома, как стонала река в густом тумане и свирепо гудели пожары, как среди черных камней плакали чудом выжившие собаки кинологического центра.

Погоревали воины по своим родным и товарищам да принялись жизнь налаживать. Старое чинили, новое строили, от жутких тварей защищались, хороших людей, что выжили в страшной буре, принимали, а тех, кто хуже тварей оказывался, прогоняли. Комбат с товарищами старыми да новыми Базой управлял, в рейды ходил, по разрушенным городу и поселкам бродил, хабар собирал да все надеялся, что найдет жену да сынков своих.

И вот однажды напало на их отряд чудище страшное, доселе невиданное – все в чешуе ядовитой, с когтями острыми да зубами в локоть длиной. Двоих воинов потеряли, весь боезапас истратили, а твари хоть бы что, только шипит да хвостом хлещет, примеривается, кого следующего живота лишить. Тогда

крикнул Комбат, что задело его сильно, и чтобы уходили его товарищи, а он-де в заслоне останется. А шел с ними совсем молодой паренек по прозвищу Скаут, первый раз в рейде. Было ему всего четырнадцать, но был он крепок, ловок да меток, вот и взяли его в отряд. Сидел он в укрытии рядом с Комбатом и уходить наотрез отказался: мол, с одним тварь справится, а с двумя – это еще постараться надо. Достали воины две последние гранаты и «замаячили» среди обломков, отвлекая чудище в сторону. Тут мутант встопорщил чешую, зашипел, зафыркал кислотой да ядом и кинулся к ним. Метнул Комбат свою гранату, а вот укрыться не успел: выстрелила тварь чешуей величиной с ладонь во все стороны. Вонзились чешуйки в Комбата, и упал он бездыханный. Граната же попала твари под самое брюхо, и там взорвалась. Заревело чудище в ярости и боли. Тут и Скаут свою гранату метнул, да прямо твари в раскрытую глотку угодил. Взорвалась граната, разлетелась голова чудища на мелкие ядовитые куски, и угодили некоторые в паренька. Остался он лежать рядом с Комбатом.

Ох и горевали все люди на Базе! Да что поделаешь – надо жить дальше. Похоронили Комбата и Скаута рядом, на зеленом бугре возле Синей реки, что текла теперь возле самой Базы, и поставили каждому кованый надгробный крест. И с тех пор скауты, в первый Рейд собираясь, приходят накануне к Комбату и Скауту и просят, чтобы те хранили их да сил с умом да смелостью прибавляли.

Лёньке вспоминается, как несколько часов назад он стоял с Глебычем у могил местночтимых святых. Ярko вспыхивала на солнце медь киотного креста в руках отца Георгия, мирно басающего молитву. Внезапно священник лихо приложил Лёньку этим крестом по макушке и засмеялся: «Ишь ты, как благословить-то привелось!» Глебыч присвистнул и двумя пальцами снял с Лёнькиной головы за изломанные прозрачные крылышки крупную раздавленную тлю – пусть и не сильно ядовитую, но ужасно кусачую.

Лёнька улыбается и открывает глаза. Высоко над ним тускло горит аварийная лампочка. Взгляд мальчика падает на новый стеллаж, где среди разных ценных в глазах обитателей этой комнаты вещичек стоят три книги – «Трудно быть богом», «Знак Зорро» и «Шпаги над звездами».

Лёнька коротко вздыхает, смыкает веки и уплывает в сон.

\* \* \*

Маленький отряд должен был вернуться на Базу сутки назад.

Четверо бредут по дороге, изрытой осыпавшимися от времени воронками, заваленной мусором, камнями, осколками стали, холмами старого железа с облезлой чешуей ржавчины и высохшей краски. Четверо то и дело переступают толстые темно-зеленые стебли с мелкими листьями, сыто лоснящиеся на солнце, которое висит на западе среди красного золота далеких облаков. Четверо страшно устали, но останавливаться нельзя – только не здесь, не на открытом пространстве трассы М-1, почти посередине между ядовитой Москвой и не менее ядовитым Смоленском.

Отряд пробирается сквозь дыры в боках и торчащие ребра рухнувшего на шоссе надземного пешеходного перехода. Он скручен так, словно его как следует выжимала усердная хозяйка. Идущий первым сталкер стягивает камуфляжную кепку, вытирает ею лицо, оборачивается и спрашивает хриплым голосом:

– Ты как, Лёнька?

– Как все, – отзывается тот, еле разлепляя спекшиеся губы. Он кашляет, сглатывает и повторяет громче: – Нормально.

– Ближе уже, за полчаса точно дойдем... только бдительности не теряй.

Лёнька кивает: близко так близко, и бдительность терять он не собирается. Потому как умереть здесь и сейчас – самое подлое, что только может случиться в его жизни. «Вперед, благородный дон, вперед»...

За скорчившимся вертолетом, чей винт когда-то вспорол дорожное полотно, словно консервный нож банку, виден поворот налево. А минут через двадцать пути показывается небольшая крепость нового мира.

Первая линия обороны Базы – ров с текучей водой, по краям и на дне которого набиты колья и заостренные арматурины. Попасть на территорию можно только по подвесным мостам. Метров шесть за рвом земля щетинится «ежами», в шахматном порядке желтеют пятна сухого дерна. И, наконец, – высокая стена,

основная часть которой осталась еще с довоенных времен. Ее ударными темпами восстановили в первые же месяцы после Катастрофы. Бетонные плиты укрепили и надставили, натянули по верху колючую проволоку, а те участки, где были толстые пики металлической решетки, заложили битым кирпичом и бревнами. Позже возвели сторожевые вышки – воспользовались тем, что осталось на месте Вольских Дач, Бородина и Нового Левкова. Базе – тогда еще Пограничному кинологическому учебному центру, – снарядов почему-то практически не отсыпали, зато соседей накрыло по полной. Говорили еще, бомба объемного взрыва приземлилась куда надо, да наступающий с северо-востока ливень с ветром помешали превратить территорию центра в горелую пустошь.

Вышки вспыхивают огнями, слышен басовитый собачий лай, мост с лязгом опускается, и на дорогу навстречу путникам выбегают люди.

Лёнька чуть приподнимает уголки губ: он узнает и начальника Базы, и его второго помощника (первый наверняка стоит на угловой смотровой вышке, сжимая бинокль побелевшими пальцами, и добрые две сотни человек поднимутся в ружье по его сигналу), и четырех матерых сталкеров с немецкой овчаркой по кличке Шнапс – полностью экипированную поисковую группу...

– Серёга, мать твою! – начальник Базы замедляет бег, а командир отряда, наоборот, ускоряется. – Ну твою же мать!

– Не обижай маму, – с усмешкой роняет Сергей, и они коротко обнимаются, хлопнув друг друга по спинам. Помолчав секунду, командир сталкеров окликает: – Лёнька...

Мальчик послушно делает несколько шагов, стараясь держаться как можно более ровно.

– Покажи...

Лёнька снимает притороченный гермомешок с рваными дырами на боку. Из них свисают пучок перепутанных нейлоновых нитей и обрывки плотного черного пластика.

– Чуть не отгрызли, – с показной небрежностью бурчит он, развязывая мешок.

Достает, встряхивает и расправляет невнятный ком, и вот теперь уже можно понять, что когда-то это был воздушный змей. Черный, с нарисованной на нем алой буквой «Z» и кривой надписью печатными буквами «Зорро», с длинным плетеным из черного целлофана хвостом – ни дать ни взять, кнутовище.

– Ёшкин кот... – второй помощник невольно шагает вперед и протягивает руку за находкой.

– Его Лёнька нашел, – поясняет Сергей. – Помните красивый такой дом с часами возле Соборного холма?

– Как же, – хмуро кивает начальник Базы, – на углу Комсомольской и Ленина.

– Короче, возле часовни мы на шипохвостов напоролись.

Шнапс настораживается и глухо рычит, но его хозяин командует: «Тихо!», и пес слушает дальше, грозно поглядывая по сторонам.

– С десяток положили – но имейте в виду, ма?льцы, их там на всех хватит... В общем, ссыпались мы с холма в Нагорный переулок, к дому этому, хотели вправо по Комсомольской рвануть, к реке...

Сталкеры понимающе кивают – шипохвосты в воду ни за что не сунутся.

– Только сверху птеры какие-то налетели, – продолжает Сергей. – С Москвы явились, черти, не иначе... Лёньку один чуть за шкуру не ухватил, да тот увернулся, птер вместо него глыбу какую-то сцапал и потащил, а Лёнька кричит: «Вниз! Все вниз!» Глядим – а там вход в подвал открылся. Не вход даже, так, нора два на полтора, остальное засыпано. Ну, мы туда. Едва протиснулись. Наверное, это нас спасло: шипохвосты только челюстями заклацали – бошки-то за нами не пролезают. Птеры озверели, орут, на шипохвостов пикируют... Ох и замес был! Короче, как стихло все, мы давай наверх, а Лёнька вот это из подвала вытаскивает... – командир отряда смотрит на змея в руках второго помощника, потом переводит взгляд на брата. – Ну, мы обломки там пораскидывали...

– Они? – глухо спрашивает начальник Базы.

– Они. По одежде узнали... – после секундной заминки Сергей вздыхает: – Вот такой груз у нас сегодня...

Начальник переводит взгляд с одного измотанного сталкера на другого и первым снимает кепи.

Три девчушки лет по шести, рыжие и черноволосая, останавливаются возле широкого рабочего стола под навесом, перешептываются и хихикают. Лёнька заканчивает покрывать деревянную рамку светлым пахучим лаком и не поднимает головы. Рядом сидит старый лабрадор-ретривер с шерстью в тон новой рамки и с любопытством морщит нос.

– Как тебе, Диего? – интересуется Лёнька.

– Вуф! – охотно отзывается пес и склоняет голову набок.

– Отлично получилось, стажер! – с одобрением кивает подошедший Митяй и выбирает из своих кудрей свежие стружки. – Вот что значит – руки из нужного места растут.

– Руки у человека завсегда из нужного места растут, – с удовольствием повторяет Лёнька слова отца Георгия. – Разуменья только не всегда хватает.

Митяй фыркает, и девчонки, глядя на него, заливаются звонким хохотом. Лабрадор переступает передними лапами, облизывается и нетерпеливо выдыхает: «вуф!».

– Танюшка, ну вот что тебе здесь надо?

– Мама просила, чтобы ты в школу зашел, – щебечет черноволосая Танюшка, вместе с рыжими подружками нежно гладя лабрадора по ушам и голове, отчего Диего жмурится и шумно сопит. – Она сейчас там.

– Ладно, только верстак приберу.

– А вечером к нам придешь? А сказку нам расскажешь? Про дона Леонсио? Ты же обещал!

Глаза Лёньки в буквальном смысле на лоб лезут.

– Беги давай, и подружек своих прихвати, – бурчит Митяй, избегая встречаться с Лёнькой взглядом. – Расскажу, расскажу...

Девчушки взвизгивают, хватаются за руки и вприпрыжку уносятся к жилому корпусу. Лабрадор встает и ленивой трусцой устремляется за ними.

Митяй садится на скамью рядом с Лёнькой и тягостно вздыхает.

– В общем... Как вы ушли, меня тетка к себе зазвала. Мол, у Танюшки температура под сорок жажнула. Ревет и никак не успокоится, а она же... чуткая, ну, ты знаешь... Слово за слово, успокойся, все будет хорошо, Расскажи сказку... Ну и почему бы благородному дону не рассказать сказку маленькой больной девочке? Я и понес невесть чего: «Давным-давно жил да был в славном городе Вязьма один благородный дон по имени Леонсио...» А потом и не знаю, что говорить. Молчу, а Танюшка взяла и продолжила. Знаешь, как? «Однажды не спалось дону Леонсио, словно звал его кто-то. Тогда сказал он: “Слышу, кому-то нужна моя помощь, так вперед!” Зарядил свой верный автомат и отправился вызволять из заточения прекрасную даму и двух ее маленьких пажей...»

Митяй умолкает, проводит ладонью по лбу. Потом протягивает руку и берет со стола фотографию, для которой Лёнька по поручению начальника Базы только что закончил мастерить новую резную рамку.

На снимке смеялись четверо. Легендарный Комбат обнимал за плечи жену в длинном бежевом сарафане. Чуть впереди стояли паренек лет десяти и пятилетний мальчуган – оба в зеленых шортах и камуфляжных футболках. Между мальчишками гордо расположился большой воздушный змей, на черном полотнище которого нарисована алая буква «Z» и печатными буквами криво написано «Зорро».

Юрий Харитонов

## Родственные души

– Эй, умник! – от резкого окрика Тёмка вздрогнул и внутренне сжался, но шаг не сбавил. Станция Проспект Большевиков, на которую они с отцом переселились буквально два дня назад, нравилась ему все меньше. Мало того, что вокруг новая, незнакомая обстановка и люди, так еще пацаны прицепились. Идут от самой школы.

– Эй! Тебе говорят! – мальчика грубо дернули за воротник, заставляя остановиться. – Глухой, что ли?

Тёмка развернулся, крепко сжимая потрепанный холщовый мешок со школьным барахлом. Ребенка обступили три пацана, причем выбрали такое место между жилых построек, где редко ходили взрослые. Они были на год или два старше, а в одном из них Тёмка узнал задиру, который цеплялся ко всем на переменах, – звали его Генкой или, за глаза, Дегенкой. Производной от «дегенерат». Плюс пара неряшливо одетых пацанов, которые везде и всегда следовали за своим главарем и ему поддакивали.

– Первый день в школе, – задира слегка толкнул Тёмку, – и уже умничаешь?

– Ничего не умничаю! – испуганный мальчик пытался говорить так же резко, но вызвал лишь ухмылки.

– Слышали? – Генка мотнул головой друзьям, показывая, как смешно звучат слова мальчика. А те были готовы стараться – тут же сдавленно захихикали. – Не умничает! Ха! А это твое выступление? Дай вспомнить... «Белеет одинокий парус...» В каком-то там тумане и что-то ищет, кажись.

– Это же просто стих! – горячо заметил Тёмка, но Генка прервал его довольно бесцеремонно:

– Что за парус такой? Море? Туман? Ты больной?

– Нет, – он пытался подобрать слова, но выходило туго, и тогда он начал говорить какую-то ерунду: – Я мальчик. Мне десять лет. И я... И я...

– ...дебил, – подсказал Генка под дружный хохот дружков. Но сам он уже совсем не веселился, а, напротив, грозно сдвинув брови, стал надвигаться на Тёмку, тыча ему пальцем в грудь. – Слушай, мелочь! Мне все равно, что ты там знаешь. Мне по барабану, что ты весь такой ученый. И то, что тебя училка похвалила, мне по фиг. Понял?

– Да, – шепнул мальчик.

– Это наша станция, – продолжал задира. – А ты здесь никто и звать тебя никак. Понял? Еще раз посмеешь умничать – наваляем! Понял?

Как-то показывать себя, возражать или противиться было сейчас бессмысленно. Во-первых, они старше, во-вторых, их больше, в-третьих, Генка ухватился за холщовый мешок, что сжимал Тёма, и рванул на себя. Старая ткань не выдержала, мешок порвался, и содержимое рассыпалось в полумраке по грязному полу.

– Будешь умничать – будет хуже! Понял?

– Да...

– Не слышу?

– Да. Понял, – чуть громче ответил Тёмка, и обидчики, усмехаясь, скрылись за углом хозяйственной постройки, оставив новичка собирать с пола рассыпавшиеся мелки, самодельную грифельную доску, линейку и тряпку для очистки доски. После он в самых расстроенных чувствах побрел домой, в ту тесную лачугу, которую им выделил комендант станции Андрей Викторович Полянский. Он-то и был виновен во всем этом переезде, неудобстве и проблемах мальчика. От обиды Тёмку слегка трясло. И причиной тому была, скорее, не произошедшая стычка, а вся смена обстановки в целом. Незнакомая станция, люди, потеря друзей, которые обещали навещать Тёмку, но все понимали, что это будет практически невозможно. Кроме того, Новочеркасская оставила в душе лишь светлые чувства, несмотря на опасное соседство с Империей Веган, – именно тем, что это была станция мамы. Там она родила Тёмку, была с ним девять лет, воспитывала, растила, пока ее не стало.

Для мальчика «Черкаса» была пропитана духом его матери, каждая частичка, кирпичик и даже воздух. Все там напоминало ее. И с переездом у Тёмки словно отобрали эту самую частичку.

Он прошел в конец станции к своей слегка покосившейся лачуге и толкнул грубо сколоченную дверь, но не рассчитал силы. Дверь довольно громко стукнула о тумбу, где отец оставлял приготовленную еду. Что-то звякнуло. В полной темноте мальчик дернул за веревку, свисавшую у самого входа, и в камерке два на три метра зажглась неяркая лампочка, осветив небогатое убранство. Слева – раскладушка, справа за дверью – тумба, заменяющая стол, в дальнем углу – выдавший виды перекошенный шкаф для одежды и топчан рядом, над которым висела полка для книг.

Отец, как всегда, был на работе. Мальчик в раздражении бросил прижатые к груди вещи на кровать, снял старый пуховик, скинул шапку. Подошел к тумбе и заглянул в еще теплую кастрюльку. И тут же скривил нос. В отличие от мамы, папа готовить не умел. От одного вида серой жижи, в которой плавали несколько грибов, есть перехотелось.

Тёмка походил по комнате из угла в угол, глянул на полку с книгами. Там, среди неинтересных и скучных книжек отца, стоял сборник поэзии, который перекочевал вместе с ними с Новочеркасской. Когда-то мать читала ему эту книжку, объясняла, что такое парус, море, туман и другие непонятные слова, прививая любовь к всему новому. Во время конфликта с веганцами ее не стало, и Тёмка с отцом переехал на Проспект Большевиков. Мальчик постоянно перечитывал этот сборник, вспоминая маму и ее интересные рассказы.

Сейчас читать совершенно не хотелось. С одной стороны из-за Дегенки с пацанами, а с другой – из-за отца. Его никогда не было дома. Он объяснял, конечно же, все это нехваткой времени и большим количеством работы, но Тёмка не хотел верить. Он еще не простил отцу переезда, который, как снег на голову, после смерти матери свалился на мальчика. Пришлось рвать общение с друзьями, входить в новое, незнакомое общество... Слова, что все делается для блага мальчика, так как отношения Вегана и Оккервиля обострились, не возымели на Тёмку никакого действия.

Делать было совершенно нечего. Читать не хотелось, есть тоже, а о том, чтобы пообщаться со сверстниками – тем более разговора не было, поэтому Тёмка не придумал ничего лучшего, как пойти погулять. Он вновь натянул старенький

пуховик, вязаную шапку и выскочил на платформу.

Определив по шуму, где больше народа, он побрел в противоположную сторону, где тишина могла успокоить его.

Один из туннелей, ведущих в сторону Дыбенко, был заброшен, в отличие от остальных, не охранялся и не освещался, да и рядом никто не шатался. Тишина здесь была максимальная. Нет, конечно, звуки доносились из других концов станции, но как-то тускло, еле различимо.

На краю платформы лежали какие-то доски. Тёмка уселся на них и стал всматриваться в темноту, которая буквально в паре метров становилась настолько непроницаемой, что взгляд в ней буквально утопал. Одиночество здесь ощущалось с удвоенной силой и заставляло мысли снова и снова возвращаться в прошлое.

Мальчик сидел так довольно долго, пока не увидел ее. Девочку, примерно его возраста, одетую в клетчатое пальтишко, теплые выцветшие колготки и странную шляпку с бантами и лентами, из-под которой выбивались тоненькие косички. Она явно думала о чем-то своем – личико отстраненное, блуждающий взгляд.

Не обращая внимания на Тёмку, она подошла к краю перрона, прыгнула на пути и зашагала напрямик в темный туннель.

– Ты куда? – вырвалось у мальчика. Он был очень удивлен, что девочка бродит по запретным местам вот так запросто, без взрослых. – Туда же нельзя!

Девочка замерла, потом обернулась, долго рассматривала Тёмку, а затем тоненьким голоском спросила:

– Кто сказал?

– Так это... – Тёмка не нашелся, что ответить.

– Кто тебе сказал, что туда нельзя? Не сам же ты это придумал.

– Слушай, – вздохнул мальчик, – ну все же знают, что нельзя ходить в темноту без взрослых.

– Все страньше и страньше, – девочка пожала плечами и достала что-то из кармана пальто. – Какая темнота, если у меня фонарик есть?!

– Все равно нельзя! – упрямо насупился Тёмка. – Туннели опасны, особенно для детей.

– Этот нет, – прервала его девочка, замотав головой, отчего ленточки на шляпке слегка зашелестели при движении. – Я его вдоль и поперек исходила. Там дальше завал. И никакой опасности нет. Зато...

– Как это нет? – воскликнул Тёмка. – А завал? А если еще будет?

– Не-а, – серьезно ответила девочка. – Не будет. Мне синяя гусеница сказала.

– Кто? – мальчик почувствовал, что перестает что-либо понимать. – Ты можешь придумывать все, что угодно, но там опасно. Папа всегда говорит...

– Как хочешь, – фыркнула девочка. – И вообще, нет у меня времени объяснять. Мне к друзьям надо. – С этими словами она развернулась и легкой походкой зашагала в туннель, освещая механическим фонариком дорогу. – Если все-таки решишь посетить нас, – бросила она, не останавливаясь, – то тут недалеко. И совсем не опасно, как бы «все» об этом не говорили.

Сказать, что девочка странная, – ничего не сказать. Тёма помялся некоторое время, думая, не позвать ли кого-нибудь из взрослых, выдал:

– Блин! – и бросился вслед еле видимому уже отсвету фонарика. Тёмка не мог себе позволить потерять единственного знакомого на этой станции, говорившего с ним более-менее дружелюбно. Кроме того, она в чем-то права. Ведь этот туннель, в отличие от других, совсем не охранялся. Скорее всего, взрослые действительно не считали его опасным.

– Постой! Не гони так, – проговорил он, запыхавшись, когда поравнялся с девочкой. Тёмка с опаской смотрел на стены туннеля, еле освещенного лучом

фонарика. Местами изрезанный ржавчиной металл тубингов, порванные провода, свисающие до бетонного пола, и изогнутые трубы.

– Я и не гоню, – с улыбкой ответила девочка. – Это ты куда-то торопишься. Я бы все равно далеко не ушла – туннель не бесконечный. Еще чуть-чуть, и придем.

– Слушай, а твои друзья – кто они? Они меня не прогонят?

– Это как вести себя будешь, – вздохнула девочка. – Могут и вообще не появиться. Они, видишь ли, очень нервничают, когда кто-то новый приходит. И они чувствуют человека. Знают, когда к ним с добром идут, а когда – нет. Вот ты... почему ты хочешь их увидеть?

– Я? – мальчик захлопал глазами. Он вообще не задавался целью кого-то там увидеть или с кем-то познакомиться, просто когда неожиданно появилась эта девочка, Тёмка всеми силами души ухватился за нее. Но сказать это словами почему-то не получалось. – Даже не знаю, – наконец, ответил он.

Девочка остановилась. Тёмка, этого не ожидавший, застыл в смущении. Она же посмотрела на мальчика и, нахмурившись, уперла в него вытянутый палец.

– Ясно! Значит, так! Пока не поймешь, зачем ты здесь, будешь просто слушать. Хорошо? А я тебе постараюсь все объяснить. И даже не надейся их увидеть! Позже – может быть, и то... сомневаюсь. Пошли, уже рядом.

Девочка опять повернулась так шустро, что ленточки на шляпке рассыпались и зашелестели. Фонарик выхватил из темноты край какого-то сооружения, в котором Тема пару секунд спустя признал старую засаленную палатку. Девочка, недолго думая, распахнула полог и юркнула внутрь, а ее гость становился на пороге, переминаясь с ноги на ногу и опасаясь, что неведомые «друзья» будут очень недовольны, если он их увидит.

Немного погодя из-за полога показалось недоуменное личико девочки.

– Ты чего стоишь?

– Не знаю, – пожал плечами Тёмка. – Боюсь, наверное...

– Что ж, это похвально, но глупо. Много здесь не настоишь. Заходи уже, нет ведь никого, – хмыкнув, она скрылась в палатке.

Тёмка вздохнул, на всякий случай сжал покрепче кулаки, потом зажмурился и шагнул вперед. Ничего страшного вроде не случилось, но открывать глаза он не торопился. Мало ли что!

– Все страньше и страньше! – услышал он знакомый насмешливый голос и решился взглянуть сквозь щелочки в веках. Девочка стояла напротив и, по-хозяйски разведя руки в стороны, несколько раздраженно смотрела на него. – Ты чего с закрытыми глазами собрался здесь увидеть?

Тёмка промычал что-то невнятно.

– Вот и я говорю! С закрытыми глазами увидишь только темноту, ну и сны иногда. Ты что, спать собрался?

– Нет...

– Это хорошо, – девочка кивнула ему и обвела рукой палатку. – Устраивайся пока. Я сейчас.

Тёма огляделся. То ли свет свечного огарка, мерцающего на небольшом столике в центре, создавал такую иллюзию, то ли палатка действительно была больше внутри, чем выглядела снаружи... На низеньком деревянном столике разместились игрушечные чашки и заварной чайник. По стенам были развешаны рисунки. Настоящие. На грязной бумаге углем. Тёмка шагнул к ним – это оказались знакомые по книжкам и картинкам животные. Но нарисованы они были как-то очень-очень странно. Необычность сразу бросалась в глаза.

Все они были в одежде и стояли на задних лапах.

– Знакомься, это Кролик, – хозяйка палатки встала рядом и, указывая рукой, принялась пояснять: – У него на носу пенсне, а в кармашке часы на цепочке. И он все время куда-нибудь опаздывает. А это Мышь. Она нормальная, только все время спит, поэтому на ней пижамка, а на голове ночной колпак. А это – Рыбина, которая танцует на берегу.

– Ого! Это все ты рисовала? – спросил Тёмка через некоторое время, когда экскурсия закончилась.

– Не, – девочка на мгновение отвлеклась от поисков чего-то в дальнем углу палатки. – Мне их Кролик иногда приносит... У них там какой-то придворный художник выискался. Вот и завалили меня искусством. Ты чаю себе пока налей, я сейчас...

Мальчик оторвался от созерцания рисунков, подошел к столу и попробовал выполнить хозяйское указание. Чайник был пуст.

– Э-э... А как? – решился, наконец, спросить он, когда девочка подошла к столику, сжимая в руках что-то завернутое в материю.

– Просто наливай и пей, – важно произнесла она, беря в руки чайник и наливая воображаемый чай в чашку. – В «дочки-матери», что ли, не играл никогда?

Тёмка помотал головой, на что она хмыкнула, отпила несуществующего чая и заговорила таинственным шепотом:

– Сейчас... я... Меня, кстати, Лена зовут. А тебя?

– Артём.

– Так вот, Артём. Сейчас я произведу тебя в рыцари...

– Зачем? – сразу напрягся мальчик. Новое непонятное слово из уст девочки звучало угрожающе. Кроме того, из разворачиваемого свертка показалось лезвие настоящего длинного ножа.

– Чтобы ты смог сдержать свое слово, что будешь хранить все услышанное здесь в тайне, – заметив, насколько Тёмка обескуражен, хозяйка палатки добавила: – Так надо. Верь мне.

– Ну... ладно...

– Так вот. А чтобы посвятить тебя в рыцари... Ну и вообще, чтобы все как положено было, надо дать тебе рыцарское имя. Будешь... Артуром! А меня зови Алисой. Там, на станции, Лена, здесь – Алиса! Так будет правильной. Ясно?

– Нет, – честно признался Тёмка, или Артур по-новому. Так и хотелось добавить любимую девочкой фразу: «Все страньше и страньше».

– Неважно, – махнула рукой Лена-Алиса. – Итак, ты готов стать рыцарем прекрасной и удивительной страны? Хранить ее секреты, как я и все ее жители? Защищать эту страну и населяющих ее сказочных существ от посягательств?

– Д-да... – неуверенно протянул Тёмка.

– Тогда – на колени! – торжественно воскликнула Алиса.

Он спорить не стал. Девочка занесла над ним нож, но, вопреки самым худшим опасениям Тёмки, всего лишь плавно опустила лезвие на левое плечо мальчика.

– Сэр Артур! Торжественно посвящаю тебя в Рыцари ее величества Червонной Королевы и ее высочества Королевы Шахмат. Клянешься ли ты в верности данному мне и жителям страны слову? В то, что оно нерушимей туннелей Метро, долговечней города на поверхности и правдивее самой правды?

– Клянусь, – пролепетал Тёмка.

Все, что говорила Лена-Алиса, он никогда раньше не слышал, но было очень интересно, поэтому решил не отступать и добраться до тайны необычной страны. И если нужно будет заниматься странными вещами, чтобы тайну постигнуть, он готов это делать. Все равно его жизнь грустна и одинока, – а теперь, по крайней мере, у него появилась Лена, то есть Алиса.

– Отлично! Встань, сэр Артур! Теперь ты готов! Выпьем чаю?

Тёмка кивнул, и они с Алисой уселись на ящики рядом со столом. Та разлила несуществующий чай по чашкам и проговорила:

– Ну, за нового рыцаря великой Страны Чудес!

Они чокнулись и распили медленно и молча бодрящий призрачный напиток. Тёмке, конечно, было дико изображать чаепитие, однако новое звание предполагало следование традициям, как объяснила Алиса, а так как ничего страшного от того, что они делали, произойти не могло, то и мальчишка был не против. Игра есть игра, даже если она немного странная.

– Ну, а теперь самое главное! – торжественно произнесла девочка, когда дети закончили «пить чай». – Когда-нибудь ты попадешь туда, это дело времени. А поэтому тебе надо знать, как там оказаться, потому что это может случиться, когда меня не будет рядом.

– И как же? – Тёмке уже начало казаться, что он подобрался к загадке существования сказочной страны вплотную. Еще чуть-чуть...

– Нужно следовать за Белым Кроликом, – торжественно объявила девочка и принялась читать стих:

– Вниз и вверх, вниз и вверх,

Вперед, к дыханию свободы.

Там, где сплела собою смерть

Проржавленные своды,

В обход пойдя, дыру найди,

Ползи, как уж по лужам...

Но только знай – в конце пути

Ждет холод дикий, стужа...

– Но... – мальчик хотел спросить, где же найти этого Кролика, однако Алиса продолжала, захваченная с головой стихами, которые лились из ее уст, словно водопад.

– Старайся след свой замести,

Будь скрытен и проворен,

Глаза откроются – беги,  
Знай, путь твой заговорен.  
Потом останется лишь страж,  
Избегнуть постарайся встречи,  
Предупреждаю: не мираж!  
Не будь в пути беспечен.  
Зато потом, в тени ветвей  
И радужных цветных растений  
Откроется страна чудес  
И красочность ее творений...

– Красиво... – пробормотал Тёмка. – И когда я... то есть мы туда попадем?

– Всему свое время, – важно сказала Алиса. Потом встала и поманила мальчика, направляясь наружу. – Пойдем, что покажу...

Заинтригованный Тёмка последовал за девочкой. Она, освещая путь фонариком, направилась не к станции, а в глубь туннеля. Чуть погодя Алиса остановилась и осветила дыру, уходящую вниз. Сбоку, в стволе шахты были приделаны ржавые, не внушающие доверия скобы. До дна слабый луч фонарика не доставал.

– Вот вход в Страну Чудес! – прошептала Алиса. – Отсюда начинается сказка...

– И когда?

– Когда придет время...

Но оно не приходило. Вместо сказки, в которую верили дети, к ним пришла другая. Сказка дружбы, совместного времяпрепровождения, неумных фантазий и игр с жителями воображаемой страны. Потому ли Белый Кролик не приходил, что Тёмка в него не шибко верил, или потому, что его просто не существовало,

было уже не столь важно. Он нашел свою сказку в лице Алисы, а в обычной жизни – Лены, странной, но интересной девочки, с которой ему было хорошо и весело, а время пролетало незаметно и беззаботно.

Для мальчика стало открытием, что родителями Лены-Алисы были уважаемые на станции люди – Лидия Сергеевна, их учительница, и Андрей Викторович, который пригласил отца Артёма, Петра, на эту станцию и был виновником всего этого кошмарного переезда. Первое время мальчик испытывал к нему неприязнь, но со временем она прошла, так как Тёмка осознал, что благодаря именно отцу девочки состоялось знакомство с Ленкой. И чем больше дети дружили, тем глубже становилась благодарность мальчика к Андрею Викторовичу.

Тёмка теперь с легкостью отпускал отца на работу. Не ревновал и не обижался всякий раз, когда тот возвращался поздно или, наоборот, уходил рано. Все его мысли были поглощены необычной игрой в сказку и самой девочкой, которая принесла в его жизнь нечто новое, торжественное и красивое. Фантазию и воображение. Отец чувствовал, что нечто происходит в жизни сына, но за неимением времени упускал возможность наладить с ним контакт, впрочем, он искренне радовался, что у мальчика появилось новое увлечение, которое занимает с головой и не мешает Петру заниматься своей работой.

А потом с Леной случилась беда... Она тяжело заболела. Никто и не предполагал вначале, что легкий, безобидный на первый взгляд кашель, перерастет в смертельную болезнь. Врач, вызванный с Ладожской, диагностировал бронхиальную астму. На вопрос: «Откуда?» только вздохнул: «Скорее всего, унаследованная восприимчивость к аллергенам, пыль, пылевые клещи, шерсть животных... Да мало ли какой гадости сейчас можно нахвататься...»

Тем временем Лене становилось хуже. Кашель и хрип в груди переросли в тяжелые приступы удушья. Комендант с ног сбился, пытаясь найти лекарство, способное помочь. Но это оказалось невозможным. У различных ингаляторов, доставленных сталкерами, за двадцать лет либо истек срок годности, либо они «фонили» так, что их нельзя было принести на станцию. Даже обращались за помощью к веганцам, но и это не принесло результата.

Тёмка, не зная, чем помочь, просто мысленно обращался к жителям волшебной страны с просьбой помочь девочке, но то ли волшебной страны на самом деле не существовало, то ли мальчик не достаточно сильно верил, чтобы его услышали...

Жестокая действительность взяла верх. Лена-Алиса умерла. Задохнулась во время мучительного приступа.

Тёмка тогда в очередной раз пришел навестить, чтобы просто побыть рядом, но ощутил неладное. Лидия Сергеевна держала у рта платок и прижималась к мужу, который напряженно выслушивал того самого врача, что месяцем ранее поставил страшный диагноз. Говорили тихо, с мрачными лицами. Наконец, доктор отошел от супругов, а комендант обнял жену, поглаживая ее затрясшиеся плечи. В этот момент он увидел Тёмку, застывшего в отдалении. Несколько мгновений мужчина молча смотрел на мальчика, затем что-то прошептал своей жене. Лидия Сергеевна быстро скрылась за дверью их комнатки, а Андрей Викторович подошел к мальчику и протянул ему фонарик Лены. Тёмка неуверенно взял его.

– Лена хотела, чтобы он остался у тебя, – тихо проговорил мужчина, внимательно смотря в глаза Артёму. Мальчик, казалось, все понял, и в то же время замотал головой, сжав губы и пытаясь сунуть фонарик обратно в руки Андрею Викторовичу, но тот не взял.

– Она всегда будет с нами, – снова заговорил комендант, а Тёмка упрямо отстранился.

– Нет! Нет, вы врете!

– Артём! Сынок! – Андрей Викторович сделал попытку удержать мальчика, однако тот отходил все дальше.

– Нет! Я вам не верю! Вы все врете! Так же, как соврали отцу! Чтобы заманить его сюда! Это не правда! – Мальчик развернулся и бросился в единственное место, где все еще мог найти Алису, девочку, подарившую сказку – в засаленную старую палатку, забытую в темноте засыпанного тоннеля. Детский разум отказывался верить очевидному факту и принять простую и жестокую истину – девочка умерла, ее не вернешь.

Комендант же, встревоженный поведением мальчика, быстро пошел в направлении генераторной, к отцу Тёмки.

– Она ушла! У нее все-таки получилось! – лихорадочно повторял про себя Тёмка. – Почему же меня с собой не взяла? Но она же рассказала, как найти эту страну! Значит, я найду!

Добежав до палатки, он зажег огарок свечи и стал ходить взад-вперед, пытаясь понять, с чего именно надо начать.

«Следуй за Белым Кроликом...»

Его взгляд остановился на рисунке Кролика в пенсне и с часами на цепочке. Тёмка тут же подскочил к бумаге, сорвал ее со стены и, посмотрев на обратную сторону, покрылся испариной. Там был написан тот самый стих, который в первый день прочитала ему девочка! Стих-подсказка, как найти загадочную страну! Снизу оказалась приписка, добавленная уже аккуратным почерком девочки:

Я буду там, где мои грезы,

В стране, которую найти

Возможно только через слезы

И без обратного пути...

Тёмка медленно прочитал первую строку стихотворения:

«Вниз и вверх, вниз и вверх...»

Мальчик отыскал в углу заваленный тряпками длинный нож, с помощью которого Алиса произвела его в рыцари, и побежал туда, где глубоко вниз уходил темный зев шахты. Он найдет Алису, во что бы то ни стало! Тёмка был в этом уверен. Слишком явные подсказки она ему оставила. Недвусмысленные. Хотя мальчик и опасался лезть в шахту, но страх свой пересилил и, быстро перебирая руками и ногами, начал спускаться вниз, держась за хлипкие ржавые скобы... Одна из них не выдержала веса мальчика и обломилась. И Тёмка долго падал в темноте, пока не достиг дна туннеля...

Когда сознание к Тёмке вернулось, он удивился, что ничего не сломал. Болела только голова, и ничего больше. Не сразу, но он вспомнил, зачем попал сюда, и

осмотрелся. Вокруг была сплошная темень, а вот снизу и чуть сбоку шел еле различимый свет. Туда-то Тёма и направился. Пригнулся, потом встал на коленки, затем и вовсе лег. Перед ним открылась нора, или дыра, или проход, появившийся здесь, видимо, еще со времени обвала туннеля.

Его стены слабо светились от покрывавшей их плесени. Что ж, ничего не поделаешь. Надо лезть. Где-то там ждет его Алиса. Странная, но интересная девочка, с которой ему было хорошо и уютно.

Проход оказался не длинным. Зацепившись за выступы и ободрав в паре мест пуховик, Тёмка, наконец, выскользнул в более просторное помещение. Это была очередная шахта, на сей раз ведущая наверх.

«Вниз и наверх, вниз и наверх...»

Стены покрывала все та же светящаяся плесень, но мальчик не мог разглядеть даже собственные руки. Пришлось воспользоваться фонариком Алисы, чтобы понять, где и как можно подняться наверх. Тёмка быстро обнаружил металлические скобы, вмонтированные в бетон шахты, такие же ржавые и ненадежные на вид, как и те, с которых он свалился. Пришлось повиснуть на нижних, чтобы проверить, выдержат ли они, и только после этого подниматься.

Колодец, казалось, никогда не кончится. Тёмка же через некоторое время понял, что не испытывает никакой усталости, хотя, по идее, давно должен был выбиться из сил. Трудно было сдерживать эту пульсирующую энергию. Мальчик испытывал огромный душевный подъем от того, что все-таки нашел вход в чудесную страну, которая наконец-то открылась ему после целого года ожидания, и от предчувствия, что он вскоре найдет Лену. Почему в груди колотилось быстрее, а дыхание стало чаще, он не думал.

Единственное, что смущало Тёмку, – это следующие строки стихотворения, так услужливо указавшего путь. Он несколько раз останавливался, просовывал одну руку в скобу, и перечитывал строки, освещая фонариком листок.

«Там, где сплела собою смерть

Проржавленные своды...»

Что за смерть, что сплела... да и сводов-то пока нет. Одна шахта, не имеющая конца... Вверх, вверх, вверх... Он давно уже должен был оказаться на поверхности!

Тёмка здорово перенервничал, когда сверху еле заметно полилось другое, не испускаемое плесенью, более интенсивное сияние. Он на миг замер, пытаясь определить его источник, но край шахты, обрисованный бледным светом, скрывал это. Вот и конец «пути наружу»! Осталось только вылезти и выяснить, что же все-таки испускает такой призрачный свет. Не солнце же, в самом деле... Оно яркое, как говорили взрослые, и так сильно слепит глаза, что на него невозможно смотреть.

Мальчик осторожно высунул голову из бетонного сегмента колодца и осмотрелся, готовый тут же спускаться в случае опасности, но никакого движения вокруг не было, что немного успокаивало. Он осторожно выкарабкался из шахты и распрямился.

Воздухозаборник вывел Тёмку в небольшое полуразрушенное помещение, заросшее зеленью и сплетающимися стеблями какого-то растения. С одной стороны рухнувшая полая колонна проломила стену, образовав проем, в который заглядывал серебристый диск луны, окруженный россыпью светящихся точек. Тёмка заворуженно уставился на невиданное зрелище, и оно лишь вновь уверило мальчика в успешности его поисков. Такая красота может быть только в сказочной стране! Он на правильном пути, но дорогу перекрыли сверкающие нити, опутывающие дыру в стене ажурными узорами...

Тёмка похолодел. Он достаточно часто видел подобные узоры в метро, но не таких размеров. Те паутины были маленькие и хрупкие, и от дуновения туннельного сквозняка могли сорваться в свободный полет, а эта казалась просто огромной... Мальчику было страшно даже представить размеры обитающего здесь чудовища.

Он огляделся, но нигде поблизости не заметил хозяина исполинской паутины. Только обломки кладки и частично обвалившейся крыши, занесенные местами снегом, прорвавшимся через отверстие. Другого выхода, впрочем, тоже видно не было. Надо миновать паутину, – но как это сделать?

Тёмка вспомнил про нож, что прихватил в палатке. Украдкой, озираясь по сторонам, мальчик подошел к паутине и, размахнувшись, рубанул по серебристой нити. Дьявольская сеть оказалась не только удивительно упругой, но и настолько липкой, что оружие просто вырвало из рук, самого Тёмку отбросило назад, а паутина мелко-мелко с еле различимым звуком затрепетала, словно живая.

Тёмка резко вскочил, с ужасом наблюдая, как единственное средство обороны безобидной полосой металла повисло на искрящейся нити, которая призывала кого-то.

Тьма позади зашевелилась, неуверенно сначала, затем более энергично. Мальчик ощутил это скорее не по шуму, издаваемому чудовищем, а по легкому перемещению воздуха. Он резко развернулся, вглядываясь в темноту не залитого луной пространства, которое сразу за зевом колодца становилось непроницаемым. Некоторое время там угадывалось какое-то движение, словно один огромный кусок стены, разваливаясь на части, тем не менее снова собирается в нечто большое и опасное...

Тёмка попятился, не видя и не слыша ничего, кроме того ужаса, что сгущался во тьме напротив. Потом нечто огромное неожиданно выпрыгнуло из темноты, мальчик упал, быстро перебирая руками и ногами, рванулся в сторону.

Тем временем паук качнулся, стараясь удержать равновесие – одна из лап застряла в обломках обвалившейся крыши. А Тёмка увидел путь к спасению – полая металлическая колонна вела сквозь обвалившуюся стену наружу, минуя паутину, и отверстие в ней было настолько узким, что только ребенок и смог бы протиснуться.

Сзади раздался неприятный скрежет хитиновых пластин друг о друга: пауку удалось вытащить лапу. Тёмка обернулся как раз вовремя, чтобы схватить подвернувшийся под руку камень и метнуть в чудовище. Паук замер от такой наглости и защелкал хелицерами. Видимо, раньше жертвы не кидались в него, чем ни попадя, а смиренно падали в обморок или трепыхались в расставленных сетях.

Тёмке хватило нескольких секунд, чтобы юркнуть в полость колонны, по другую сторону которой виднелся освещенный луной фрагмент улицы. Чудовище

заскрипело хитином еще громче, осознав, что добыча убегает, и бросилось вперед, однако монстр был слишком большим для полости, куда нырнул мальчик. Покрытая хитином лапа лишь слегка царапнула исчезающий внутри колонны ботинок.

«Ползи как уж по лужам...

Но только знай, в конце пути

Ждет холод дикий, стужа...»

Тёмка полз вперед к спасительному свету. В какой-то момент он остановился, чтобы отдышаться и вытереть лихорадочный пот. Холод напал на него сквозь старенький, дырявый в некоторых местах пуховик и столь же дряхлые штаны. Ладони обожгло инеем, а в лицо дохнуло стужей. Такого студеного сквозняка не было даже в туннелях метро. Но Тёмку меньше всего заботил сейчас вопрос, почему он не ощущал холода внутри помещения. Главное было – подальше и побыстрее убраться от жуткого монстра, который, пытаясь добраться до жертвы, где-то сзади кусал хелицерами колонну, отчего по округе разносился громкий скрежет.

Мальчик не заметил, как ползком преодолел метров десять по узкой трубе, которая так резко закончилась, что он вывалился наружу, прямо в жгуче-холодный снег.

Тёмка кое-как поднялся на ноги, пытаясь удержать равновесие в небольшом сугробе, и, стряхивая с себя снег, посмотрел по сторонам, пытаясь с ходу определить, куда уносить ноги.

Влево и вправо уходила не слишком широкая улица, образуемая вместе с разрушенными по бокам зданиями некое подобие заснеженного пустыря, раскинувшегося между построек. Чуть правее, в центре этой улицы, неясными очертаниями вырисовывалось причудливое строение, покореженное и покосившееся, вмерзшее в лед и наполовину занесенное снегом.

И мост... Мост? Прямо через улицу! Горбом перекинувшийся от одной цепочки зданий к другой.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Дословная процитированная дозорным реплика Бабы-яги из детского фильма-сказки «После дождичка в четверг».

----

Купить: [https://tellnovel.com/bakulin\\_vyacheslav/metro-2033-skazki-apokalipsisa-sbornik](https://tellnovel.com/bakulin_vyacheslav/metro-2033-skazki-apokalipsisa-sbornik)

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)